

18+

АШИМОВ И. А.

Я — это Я

«Я-КОНЦЕПЦИЯ»:
МОТИВАЦИОННЫЕ,
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ,
КОМПЕНСАТОРНЫЕ, ФАКТОРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНЫЕ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ.
КНИГА 1

АШИМОВ И.А.

**Я – это Я. «Я-концепция»:
мотивационные, теоретические,
компенсаторные, факторные,
социальные, профессиональные
контексты. Книга 1**

«Издательские решения»

И.А. А.

Я – это Я. «Я-концепция»: мотивационные, теоретические, компенсаторные, факторные, социальные, профессиональные контексты. Книга 1 / А. И.А. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643852-1

В научной монографии изложена сущность «Я-концепции» и ее главного элемента — комплекса неполноценности. В книге 1 отражен опыт анализа и синтеза мотивационных, теоретических, факторных, компенсационных, социальных, профессиональных контекстов «Я-концепции». Изложен опыт формирования «Я-концепции», который позволяет человеку познать и признать свою тень. Человек понял сущность своего комплекса неполноценности, который толкал его вперед, дал возможность ему проявить себя как «Я — это Я».

ISBN 978-5-00-643852-1

© И.А. А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
«Я-концепция»: мотивационные контексты	10
Глава 2	22
«Я-концепция»: теоретические контексты	23
Глава 3	41
«Я-концепция»: факторные контексты	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Я – это Я
«Я-концепция»: мотивационные,
теоретические, компенсаторные,
факторные, социальные,
профессиональные контексты. Книга 1
Ашимов И.А.

*«Чтобы быть полноценным человеком,
надо обладать комплексом неполноценности».*
А. Адлер.

© Ашимов И.А., 2024

ISBN 978-5-0064-3852-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0064-3853-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Я – это Я», «Я – есть Я, здесь и сейчас», «Я есть Яследовательно,,Я есть то, что Я есть“, „Есть Я – Я Есть“, „Я – это я сам“, Я – не ты». Все это, не игра слов, а суть «Я-концепции». Концепт «Я» – это обозначение меня самого как субъекта тех или иных мыслей или действий, это сам по себе субъект или то начало личностного бытия, которое обеспечивает его тождество независимо от хронологических и пространственных обстоятельств. «Я» – особая реальность, с которой начинается всякое лицо или ипостась как единое и самотождественное бытие. Карл Ринц писал: «Не быть Тем, что ты есть, – единственное самоубийство, которое Ты можешь совершить». ,

Итак, «Я-концепция» – это система моих представлений о самом себе, это образ собственного «Я», это установка к самому себе. Что касается моего «Я» как самого себя. Никаких сверхъестественных начал и способностей во мне нет. Я жил, много учился, трудился, был честен, бывал наивным и беспомощным, испытал бедность и разочарования. Я работал над собой, старался быть полезным, справедливым, презирал подачки, предавался утешениям, звезд с неба не хватал. Я жил скромно, прослыл трудоголиком, одиночество воспринимал как подарок судьбы и прочее. Ну и что из того, что меня – человека наивного, обманывали, использовали, навязывал мне свое мнение.

Важно то, что и сейчас, и тогда в прошлом кроме родителей никому и ничем не обязан, не верю в судьбу и Богу, а верю в то, что есть, и что было со мной. Не намерен отмывать грехи, они у меня были, но не большие и смертельные, никогда не ждал наград или наказаний.

Самое главное, я понял сущность своего комплекса неполноценности, которому, с одной стороны, не благодарен, ибо он заставлял меня строить и верить в иллюзии, барахтаться и метаться по жизни, совершать ошибки и вести себя алогично, и в конце концов уткнуться носом в крах и разочарование, а с другой – благодарен ему за то, что преподавал мне настоящий урок жизни, толкал меня вперед, давал возможность проявить себя, достичь тех высот, о которых, мне и не мечталось, и в конце концов уткнуться носом в состоянии самодостаточности, покоя и умиротворения.

Было время, я возненавидел свой комплекс неполноценности, ибо, он вел меня по жизни сложным и запутанным путем, заставляя ограничить круг внимания, наложить суровые ограничения на мою жизнь и деятельность. Однако, я признателен своему комплексу неполноценности за то, что позволил накопиться во мне энергии противодействия, ограждая меня от запретных миров, зла и неверия. В критических моментах жизни и работы он заставлял преодолеть страх, сомнения, тоску, включая технологию выживания. Мой комплекс врос в меня, то есть в «Я», став ее главной частью. Вот почему книга называется «Моя тень», а общая сюжетная ее канва – «Мой комплекс – моя тень». А что такое моя тень? Моя тень – это как моя идея, которая всегда присутствует со мной, это мой комплекс, который всегда рядом по жизни – «Не будет меня – не будет тени, не будет тени – не будет меня».

В данной книге я много говорю о тени в абстрактном, то есть переносном смысле, имея в виду под тенью – комплекс неполноценности. Недавно прочитал книгу «Апокалипсис смысла» – сборник работ западных философов XX-XXI веков. В своей статье «Портрет цивилизованного человека» Э.-М. Чоран пишет: «Цивилизация... вечно будет преследовать и довлеть над человеком, заставляя его творить и делать это творчество достоянием публики, тем самым добиваться признания и скрытой славы, что являются пределом желаний таких людей. «Творите, пишите, публикуйте», – твердит она и несчастные повинуются, не подозревая о том, что их ждет впереди.

«...Та самая тень в моем понимании всегда рядом с человеком, а потому все знает о нем, о его возможностях, способностях, иллюзиях, страхах и сомнениях. Она шепчет им в ухо

похвалу за робкие успехи, затем все яростнее заставляет его совершать маленькие и большие победы за счет его чрезмерного усердия и старания. Она находит человеку его сторонников, почитателей, поборников, толкая на хвалу, известность, славу, возбуждая у человека жажду признания, стремление к наградам, званиям и почету...».

«...Самое интересное то, что разум человека, вместо того, чтобы попытаться выйти из под контроля тени, начинает во всем ей поддакивать. Тень подсказывает ему аргументы против себя, оправдывает его желание саморазрушаться, льстя ему, сделает все, чтобы превратить его жизнь в ад. Раскованная и высокомерная, черпая силу в самом себе, она и существует как бы сама по себе. Мы для нее – опора, место пребывания, адрес, мы всего размещаем ее в себе...». «...Вот-так, под влиянием тени, вначале человек желает, чтобы его имя засияло в лучах славы и признания, а потом под влиянием той же тени, теперь он впадает в другую крайность и молит Бога, чтобы оно было вычеркнуто отовсюду. Теперь ему нужно уйти в настоящую тень, познать ее тишину. Если вначале у человека была жажда самоутверждения, не знающая границ, а теперь не знает границ его жажда уйти в забвение. Теперь человек ненавидит того, кто цепляется за него, рассчитывает на него или чего-то от него ждет. Так постепенно расцветает у человека чувство разочарования, появляется желание не перегружать свое «Я», забиться в самую глубину тишины, покоя...».

В данной книге я попытался обобщить опыт анализа и синтеза мотивационных, теоретических, факторных, компенсационных, социальных, профессиональных контекстов «Я-концепции». Прочитав первую версию «Я-концепции» я вдруг увидел себя и свой панорамный портрет. Увиденное ввергло меня в уныние. Однако, лично мне именно такой опыт был просто необходим – это было единственное средство, чтобы я пришел к пониманию самого себя, а то я всегда осознавал, что потерялся в этом мире или, наоборот, еще не нашел самого себя. И это на протяжении долгих лет жизни. Да, мой путь не был выстлан лепестками роз, и никто надо мной не порхал, но я доволен тем, как сложилась моя судьба, и у меня есть причина гордиться своими достижениями. На контрасте с таким первым опытом я вскоре пережил нечто совсем другое. Тот груз, который я в себе носил, – его вдруг не стало. Это было непреходящим ощущением, когда человек чувствует себя, как после откровения и очищения совести. Это момент наступления равновесия в душе. В своем перфекционистском желании самосовершенствования оказывается получил совсем не тот результат, на который рассчитывал.

Возможно, текст читается и понимается нелегко, ведь книга отличается от других тем, что в ней нет бытовой приземленности, а посвящены она вечно актуальной и достаточно сложной философской проблеме, к которой, не каждый найдет в себя смелость «сунуться», не каждый сможет «педалировать» эту проблему. С другой стороны, весь текст – это попытка прислушаться и понять позицию тех, кто мыслить иначе. Такой подход, как мне кажется, помогает читателям понять не только то, что побудило меня поднять эту тему, но и что я вношу на рассмотрение широкого круга читателей и специалистов соответствующего профиля. Итак, «содержание моей книги – я сам».

«...Человек понял сущность своего комплекса неполноценности, которому, с одной стороны, не благодарен, ибо он заставлял его строить и верить в иллюзии, барахтаться и метаться по жизни, совершать ошибки и вести себя алогично, и в конце концов заставил его уткнуться носом в крах и разочарование, а с другой – благодарен ему за то, что преподавал человеку настоящий урок жизни, толкал его вперед, дал возможность ему проявить себя, достичь тех высот, о которых он и не мечтал, и в конце концов заставил уткнуться носом в состоянии самодостаточности, покоя и умиротворения...».

Данная работа выполнена в Виртуальном Институте Человека (ВИЧ) при Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР). Печатается по решению веб-редакционного совета ВИЧ. Рецензентом является Тогусаков О. А. – доктор философских наук, академик НАН КР. Книга рассчитана на студентов, маистрантов, аспирантов, научных работ-

ников, а также психологов, социологов, философов, интересующихся вопросами теории познания, социологии и философии науки, медицины, научного мировоззрения, мировоззренческой культуры.

Ашимов И. А.

Глава 1

«Я-концепция»: мотивационные контексты

В данной главе изложены основные мотивы создания «Я-концепции». С учетом того, что данная глава является вводной, хочу сразу же пояснить, что главенствующим элементом «Я-концепции» является мой личный комплекс неполноценности. Мне, как человеку, страдающему комплексом неполноценности, уже давно хотелось найти время и возможности засесть за письменный стол и изложить результаты переосмысления самого себя.

Как ученому хотелось, наконец, выстроить свою «Я-концепцию», а как писателю – найти приемлемый вариант соответствующей самопрезентации. Так или иначе главным мотивом все же был исследовательский интерес к своей сути, а не банальная презентация самого себя в общепринятых формах, то есть ни в виде автобиографического мемуара, ни в виде исповеди и воспоминания.

Как ни странно, пусковым моментом к конструированию «Я-концепции» послужило избрание меня академиком Национальной академии наук Кыргызской Республики (2021). Нужно пояснить, что, согласно Закона Кыргызской Республики «О Национальной академии наук Кыргызской Республики» (2017) и Устава Национальной академии наук Кыргызской Республики (2021, п.15), академик – это выдающийся ученый, обогативший науку выдающимися научными трудами, создавший научную школу в своей сфере деятельности.

Обычно, ученые, которым посчастливилось быть избранными и вступившими в ряды так называемых «бессмертных», «золотоглавых», «элитарных» ученых, радуются, ликуют, гордятся, а я же, наоборот, растерялся, засуетился и даже немного расстроился, заиклившись, прежде всего, на выражении «выдающийся». Помнится, впал в какое-то уныние, все больше сомневаясь в том, что, неужто, я такой уж выдающийся ученый, труды которого также носят печать выдающихся? Что же такого выдающегося я сделал в науке, да и в вообще, в жизни?

Задавшись этим вопросом, пожалуй, впервые осознал правоту Ф. Ницше (1844—1900), который говорил о том, что «сбывшейся надежда приносит одновременно и радость обретения и горечь утраты» [Ф. Ницше. За пределами добра и зла, 1886]. Действительно, оказывается ранее, я и не задумывался, что мне комфортно было находиться в числе обыкновенных ученых, в лучшем случае «корреспондирующих» себя в академии.

Конечно же не отрицаю то, что стать академиком было одним из важных моих мечтаний. Как-то Дж. Бернард Шоу (1856—1950) говорил: «В жизни есть две трагедии. Одна – не добиться исполнения своего самого сокровенного желания. Вторая – добиться». Вот-так, застигнутый, как бы врасплох, я, как человек страдающий выраженным комплексом недостаточности, почему-то лихорадочно начал искать оправдания тому, что я попал в число академиков не случайно. Стал перечислять в уме свои научные достижения, приблизительно подходящих к категории «выдающихся»: во-первых, сделал и зарегистрировал собственное научное открытие (Москва, 2018); во-вторых, сформировал и зарегистрировал именную научную теорию («Теория Ашимова») (Москва, 2018); в-третьих, выдвинул, обосновал и зарегистрировал научную идею и четыре научных принципа (Москва, 2017); в-четвертых, подал на рассмотрение и регистрацию две научные гипотезы и две научные мезотеории (Москва, 2020); в-пятых, стал лауреатом государственной премии Кыргызской Республики в области науки и техники (Бишкек, 2020).

По сути, хватило пяти пальцев одной руки, чтобы пересчитать, так сказать, выдающиеся свои научные достижения. Вот-так, невольно, у меня возникла, вначале, почти стихийная идея осмыслить и попытаться сконструировать свою «Я-концепцию», исходя уже из кутузовского принципа «война план покажет». Хотя, подспудно, осознавал, как изложить свою историю жизни, если у меня не было ни самой жизни, ни самой истории. Я – обыкновенный ученый, каковых миллионы в мире. Однако, мечта мечтою, но если зреть в корень, то и здесь просле-

живается «работа» того самого комплекса неполноценности. Нормы, которые функционируют внутри научного, академического сообщества и определяют профессиональные отношения между учеными характеризует такая фраза: «Ученый – это человек, проявляющий склочный интерес к работе соседа». Действительно, «скажет – не скажет ничего обидного, но так посмотрит...».

Время шло, первоначально сложился своеобразный самоотчет— отчет человека перед самим собой в аспекте своих действий, поступков, поведений; в аспекте осознания, посредством анализа собственных чувств, переживаний, влечений, их смысла и значения для себя и своего окружения, причем, как в данный момент, так и в прошлом. Перед взором прошли все годы личной жизни, начиная с детства, а также вся деятельность, начиная со студенческих лет и до сегодняшнего дня. На этой основе постепенно сложилась развернутая картина меня самого в виде автопортрета. В свою очередь, на этой базе постепенно вырисовывалась моя «Я-концепция». По сути, такой «самоотчет-автопортрет» в форме «Я-концепции» является ничем иным, как психологическим методом исследования, направленный на анализ собственной деятельности и ее результатов, а также ретроспективным взглядом на пройденный за определенное время путь с философским осмыслением собственной жизни и деятельности. с

Коль скоро мне было дозволено проделать в своем воображении путь, обратный прошедшей жизни, и вновь пересечь прошлые этапы развития своей личности, я мог также, следуя обратному ходу личной истории, добраться до начала своего «Я» и даже пойти дальше. Первое впечатление было следующим. Анализируя свои жизненные этапы, а также этапы своей научной деятельности, я, где-то в глубине души засомневался – стоит ли мне уповать на что-то еще? ведь я добрался до вершины научной, академической, жизненной карьеры, а моя миссия в этом настоящем, в какой-то мере выполнена, и всю оставшуюся жизнь я могу больше не заботиться так рьяно, как это было до получения статуса академика.

Будучи избранным в академики я потерял свою главную фишку – «Быть предсказуемым». В те моменты, я глубоко позавидовал тому, кому еще предстоит взять эту высокую планку. У него были впереди горизонты, а у меня они стали неясными, смутными. Вот тогда то всерьез задумался над тем, каковы были мои главные жизненные цели? В чем я видел смысл своей жизни? Разве, получить звание академика было моим исконным желанием и конечной целью? Разве статус академика был непоколебимым индикатором моих достижений? Признаться, у меня не было ни амбиций, ни креативности, я и не косил под необыкновенного человека, ибо, я был и остаюсь самым обыкновенным человеком, зачастую отдающейся течению жизни.

Между тем, у любого, даже предвзятого человека, на первый взгляд покажется, что я торопился жить, стремился всего достичь. Хотя, если честно признаться, такого я за собой никогда не замечал, так как жил и работал, как мне кажется, без какой-либо излишней торопливости и лихорадки, ибо, однажды мне запало на душу высказывание Дж. Бернарда Шоу (1856—1950): «Не спешите всего достичь. Чем вы будете жить потом? Превратите лучше вашу цель в горизонт: он всегда будет перед вами, впереди». Наверное, он прав, однако, что касается меня, то я как-то в своем разбеге, оказывается, многое не замечал и не осознавал. Это я понял лишь формируя свою «Я-концепцию».

Основные положения сформированной «Я-концепции» составили содержание книги «Моя тень», которая, кстати, рассчитана, прежде всего, на людей живого ума. «Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять», – писал Джордано Бруно (1548—1600). Разумеется, следуя этой логики, мне хотелось бы, что бы «Я-концепцию» прочитали, поняли, приняли. Между тем, я почти уверен в том, что обязательно найдутся такие невежды, которые прочитав мою книгу поймут само понятие «комплекс неполноценности», в лучшем случае как «почти дурак», а в худшем как «вовсе дурак».

Я – ученый, а потому могу понять таких невежд, потому что сам был когда-то таковым в детстве и юношестве. Между тем, мне всегда жаль невежд, так как они никогда не поймут ученого, ибо никогда таковыми не были. Таким образом, я имею полное основание бросить реплику в ответ такой невежде – «от дурака слышу». «После общения с некоторыми людьми у меня появляется ярко выраженный комплекс полноценности», – писал Станислав Ежи Лец (1909—1966). Так и у меня при общении с невеждами мой комплекс неполноценности, от которого мучаюсь всю жизнь, многократно возрастает.

Признаться, у меня с детства определенные нелады со здравым смыслом. Не каждый ученый, но точно знаю ни один из членов Академии наук, не решился бы на такое откровение и признание в себя комплекса неполноценности, хотя каждый из них носит его с собой. Причем, многие с элементами безнадежного осложнения в виде комплекса превосходства. Уже давно понимаю суть высказывания З. Фрейда (1856—1939): «Прежде чем диагностировать у себя депрессию и заниженную самооценку, убедитесь, что вы не окружены идиотами» (Фрейд З. Психология бессознательного, 1990). Если честно, то и не пытаюсь оправдываться, что страдаю комплексом неполноценности и не кричу в каждом углу «Я ни в чем не виноват! Это все он – мой комплекс!».

Когда-то, еще в юности, прочитав афоризм А. Адлера (1870—1937) «Чтобы быть полноценным человеком, надо обладать комплексом неполноценности» [Адлер А. Индивидуальная психология, 2017], я, несомненно, был не только крайне удивлен, но и крайне обрадован, так как, тогда я уже носил с собой тот самый адлеровский комплекс неполноценности. Мой юношеский эгоизм в то время нашел утешение в том, что, оказывается, «все люди изначально неполноценны, имеют соответствующее чувство и в течение всей своей жизни пытаются любыми способами преодолеть свое чувство неполноценности, в целях обретения личной целостности». Однако, у многих, в том числе и у меня в свое время, чувство неполноценности под влиянием ряда негативных, по сути, факторов и жизненных обстоятельств, приобретает утрированную форму и преобразуется в комплекс неполноценности. И вот-тут уже у человека начинаются проблемы с собственной самооценкой и построением взаимоотношений в социуме.

Я уже в раннем школьном возрасте подспудно, интуитивно чувствовал, что у меня не все складывается, как у моих сверстников. Уже, будучи взрослым понял, оказывается, у меня уже в детстве постепенно вызревал тот самый комплекс неполноценности. Исходя из сократовского призыва «Познай самого себя!», я, будучи еще учеником седьмого-восьмого классов, старался познать себя, осознавая то, что через понимание себя и своего комплекса, которую я воспринимал уже как свою вечную тень, можно скорректировать свою сущность, добиться своей цельности.

Признаться, в те годы, остро чувствуя свою застенчивость уже переросшую в комплекс, я, как никто понимал, что в этой жизни лишь смелые и уверенные в себе, целеустремленные и настырные, сильные духом и амбициозные по характеру люди живут по-настоящему, то есть полноценно, пользуясь всеми благами жизни, тогда как остальные, в особенности застенчивые, стеснительные, слабые духом люди, как я, обречены на прозябание в этом, как мне уже тогда казалось, жестоком мире. Таково было мое, почти трагичное, юношеское мнение о своей настоящей и будущей судьбе.

Помню, как упорно старался понять мировоззрение З. Фрейда (1856—1939) в восьмых-десятих классах, лихорадочно ища ответ, на вопрос: как избавиться от комплекса неполноценности? Уже обучаясь в мединституте понимал, что в те годы, я многое оказывается воспринимал не так как надо. Именно по трудам З. Фрейда, А. Адлера, Г. Юнга (1875—1961), я учился осмысливать самого себя, постигать свое «Я», а также понимать природу своего комплекса неполноценности [Фрейд З. Психология бессознательного, 1990; Адлер А. Индивидуальная психология, 2017]. Перечитав уйму психологической литературы, понял, чтобы быть

полноценным человеком, необходимо быть подготовленным к социальному поведению. А что это означает?

Из психологической логики следует, что человеку, прежде всего, следует осмыслить и понять то, что комплекс неполноценности есть у каждого, что нужно подобающим способом понять его природу и характер проявлений. Замкнутость, неуверенность в себя, малодушие, дефицит чувств, бахвальство, хвастовство, бравада, зависть, ревность и многие другие неадекватные черты и поведения – это, оказывается, ничем иным, как результаты и формы проявления того самого комплекса неполноценности. В теории А. Адлера (1870—1937) меня удивило и то, что существует закономерная линия постепенного преобразования комплекса неполноценности в комплекс превосходства. Как же это понимать?

Оказывается, комплекс неполноценности и комплекс превосходства имеют нечто общее, хотя они всегда на бесполезной стороне жизни. Проштудировав психологическую литературу, как мог проанализировал свою психологию, в той или иной мере осмыслил природу своего комплекса неполноценности. Однако, я так и не понял в этой теории идею о том, что необходимо постоянное ориентирование и служение социуму. А как же внутренний мир человека, закрытый от посторонних глаз, а потому известный лишь ему одному? – не раз задавался я, не понимая истину, высказанную Б. Спинозой (1622—1677) «Для человека нет ничего полезнее человека» [Спиноза Б. Этика, 1677].

Разве успех в обществе, достижения во имя общественного блага, соизмерим с индивидуальной душевной гармонией? – вопрошал я. Оказывается, и тут сыграл мой индивидуализм, в основе которого лежал тот же самый комплекс неполноценности, главным признаком и одновременно последствием которого является социофобия. Ведь взгляд на человека как на сумму социальных отношений – это не самое глубокое постижение человека, существующее в истории мировой философии, – посчитал я, все больше погружаясь в тематику.

Вообще, что это за комплекс неполноценности? Во-первых, он свойственен всем нормальным людям, являясь результатом глубокой самооценки. Истина в том, что в этом мире человек рождается не идеальным, и умирает несовершенным. Во-вторых, его возникновение обусловлено социальной природой человека, и наличием у него потребностей в самосохранении, в соревновании, в достижении, в статусе. В-третьих, он является сильнейшими мотивационными факторами для саморазвития в различных видах деятельности людей. Однако гипертрофированное развитие комплексов неполноценности может привести к другой противоположности, с негативными последствиями: во-первых, потеря социальной активности в результате неверия в свои силы; во-вторых, превращение человека в асоциальную личность в результате обиды, зависти и ненависти к окружающим; в-третьих, переход комплексов в стадию устойчивого заболевания в форме навязчивых идей, паранойи, психозов, различных маниакальных проявлений, включая криминальные; в-четвертых, превращение по компенсационному механизму прежде закомплексованных людей в крайне самоуверенных, стремящихся подавлять окружающих. Где же скрыта точка отчета, линия равновесия?

Невольно на память приходит Г. Мопассан (1850—1893), который оригинально охарактеризовал великую достопримечательность Парижа – Эйфелеву башню. Помните, как писатель то хвалит ее мощь и непревзойденную красоту, то смачно ругает ее, как бессмысленное железное уродство. Итак, десятки раз, то хвала, то хула, а это было ничем иным, как писательской уловкой, чтобы навечно запечатлеть эту башню как величайший гений искусства градостроительства и архитектуры. Именно такую тактику я использовал при описании «позитива» и «негатива» своего комплекса неполноценности.

Начинал свою «Я-концепцию» с твердым убеждением в «непрерывности» и «цельности» своей личности на всех этапах жизни и работы, какими бы противоречивыми они ни казались. Приближаясь к сегодняшнему возрасту, я все больше убеждался в том, что и в жизни, и в работе, несмотря на резкие повороты судьбы, «разрывов» не было, а были серьезные сдвиги

и скачки из одного уровня в другую. На мой взгляд, целью «Я-концепции» и является отражение как это все происходило, их мотивы, обстоятельства.

Я понимаю, что в настоящей книге, хаотичное колебание между прошлым, настоящим и будущим, затрудняет их восприятие. Однако, уверен в том, что форма синхронного повествования запутало бы не только мое жизнеописание, но и свои философские и психологические комментарии еще больше. В этом аспекте, полагаю, что принятая мною форма «Я-концепции» или иначе философского автопортрета более оптимальна, так как более четко и цельно отражает резкость поворотов, преувеличивает разрывы и скачки, показывая в то же время неразрывность линии жизни и творчества.

Отношу себя к людям двух эпох, особенности которых, как фон моей жизни, учебы, работы изложу ниже. Д. Трамп (2016) как-то выразился: «Плохие времена часто дают прекрасные возможности». Он во многом прав и в этом я убедился, выстраивая свою жизнедеятельность в соответствие с теми эпохами, в которых пребывал. Помните, Стивен Кинг (1947—2021) писал в своих книгах: «Люди думают, что много чего не могут, а потом неожиданно обнаруживают, что очень даже могут, когда оказываются в безвыходном положении». Очевидно, люди в той или иной мере деятельны, а потому, если жизнь и обстоятельства загонит человека в угол, то он включить невероятные приспособительные реакции, что бы как-то выкрутиться, спастись, выжить.

Основным моментом «Я-концепции» является то, что сам я не фаталист и не верю в то, что именно такая судьба мне было предначертанной. Как бы я внимательно не анализировал свою прошлое – детство и юность, школьные и студенческие годы, разные этапы профессиональных занятий – хирургия, наука, педагогика, популяризация науки, философия, писательство, никогда не находил признаков «предначертанной судьбы». С высоты прожитых лет, могу лишь сказать, что я, оказывается, был способен во многом только впитывать знания и укладывать их в системы, но не воспользоваться масштабом познания для исправления самого себя. Сообразно тому выстраивал свою социальную, профессиональную и творческую деятельность.

Осмысливая свою судьбу, я иногда думал и приходил к мысли о том, что безнадежно страдаю максимализмом перфекциониста, что в его основе лежит не что иное, как собственный комплекс неполноценности. Не отдавая себе отчет, вероятно, я так или иначе хотел значительности в жизни, учебе, работе, а потому ставил перед собой непомерно большие цели. Хотя абстрактность мотивов и конечных жизненных, профессиональных, творческих целей был четко выражено на всех этапах. Я понял одну важную вещь, в моей жизни, учебе и работе во всем виноват мой комплекс неполноценности, который во многом и обуславливал несоответствие моей логики и здравого смысла.

Мой комплекс – это моя тень. Здесь нужно внести пояснение о том, что под «тенью» я выражаю свой «комплекс неполноценности», которое носить печать чуть-ли не патологии. Хотя, если быть честным, мой комплекс неполноценности уже давно имеет своим исходом – депрессию. Согласно психологической литературе, у половины людей, страдающих комплексом неполноценности так или иначе развивается симптомокомплекс такой функциональной патологии. В этом аспекте, мое стремление демонстрировать свой комплекс неполноценности, по сути, является определенным проявлением неуверенности в своей правоте перед теми, кто не слишком уверены в моей нормальности.

А ведь найдется такой читатель, который так это и поймет с начала до конца, а потом может быть и обзовет автора не то полоумным, не то мазохистом. Эти господа возомнят себя теми, кто знают обо мне больше, чем я себя, но хорошо бы им сперва не только научиться самим понимать суть комплекса неполноценности, но и внезапно, волшебным образом «приобрести» этот комплекс неполноценности. Посмотрел бы я, как они тогда запели бы. А с другой стороны, вся проблема формирования мнения о самом себе – все же это некая суицидальность меня как автора, потому, что не знаешь на что нарвешься со своей откровенностью.

Как мне кажется, любому человеку, в особенности ученому и философу, занимательно, в какой мере его жизнь зависела от него самого – своего устремления, побуждения? От чего зависели его выбор, решения, действия, поступки, поведения? Вот и мне показалось занимательным проследить в ретроспективе свой жизненный и творческий путь, чтобы, будучи когда-нибудь уже на исходе жизни, умирать, ясно осознавая, что было в нем «белого» и «черного».

Само название книги «Моя тень» говорит о том, что это «Я-концепция», а не исповедь и не мемуары, что это научный анализ размышлений о личном, о главном в жизни и творчестве, а что касается стиля изложения, то это по большей части подходит к философскому автопортрету. По сути, это научное исследование, предметом которого являешься сам, «непрерывность» собственной личности, то есть твоя жизнь и деятельность на протяжении, в динамике, в ракурсах, фонах.

Безусловно, даже в банальном понимании личная жизнь и работа имеет глубокую взаимосвязь с обществом, временем и личным пространством, которые определяют все без исключения резкие повороты, изломы пути, от которых зависел весь дальнейший ход событий, а иначе говоря, твоя судьба. Иногда, твоя уверенность так или иначе вступает в противоречие с фактами, а это требует исследования, верификации. Иногда возникает вопрос, что же общего между разными отрезками личной жизни? Каковы побудительные мотивы и логика, несвопадающая со здравым смыслом? Вот-так возникла у меня мысль написать эту книгу.

Оскар Уайльд (1854—1900) писал: «Будь собой, остальные роли заняты», так и у меня в данной книге единственным желанием было отразить себя как есть, то есть остаться самим собой, вопреки тому, что выражает философское наизидание – «Хочешь быть счастливым – не ройся в своей памяти». В этом аспекте, в книге я излагаю свою жизнь, понимая, что «жизнь – не те дни, что прожил, а те, что запомнились».

Как уже подчеркивал выше, выстраивая стратегию повествования в стиле философского автопортрета, обнаружил, что наиболее существенными, или иначе концептуальными изломами, послужившими общим фоном для «Я-концепции» являются несколько моментов: во-первых, наступление глобализма широким фронтом; во-вторых, распад Советского Союза с получением независимости нашей страны; в-третьих, трансформация социализма в капитализм; в-четвертых, смена парадигм научной рациональности, определяющая стратегию современного познания мира. Причем, все они сконцентрировались в небольшом кусочке времени и пространстве – рубеже XX-XXI вв.

На этом рубеже, любые события могли оказаться и на самом деле оказались важными и решающими в моей судьбе. Осмысливая их в процессе самопознания не раз приходил к мысли о том, что в другое время даже большие, личные усилия неспособны были бы изменить мою судьбу и творческий путь. Нужно учесть, что воспоминание о прошлом всегда субъективно, так как человеческая память всегда избирательна, особенно, у ученых, философов, писателей.

Данная книга по замыслу своему философская, так как касается проблемы самопознания. Не знаю почему, но приближаясь к отметке семьдесят лет, мне, почему-то стало интересно осмыслить свой тип и свою судьбу – судьбу человека с комплексом неполноценности. Причем, в условиях особых обстоятельств, каковым являются вышеперечисленные исторические события рубежа XX-XXI вв. Именно в этот период, мир, в котором я жил, буквально, «перевернулся». Людям, пережившим мировые переломные моменты, в их числе и я, должны были как-то выжить. Как тут не вспомнить Марка Порция Катона (234—149 до н.э.), который говорил: «Жизнь не для того, чтобы ждать, когда стихнет ливень. Она для того, чтобы научиться танцевать под дождем».

В книге не так много воспоминаний, чего не скажешь в отношении анализа и размышлений. Вот почему, в ней нет четкой хронологии событий и фактов, а есть непрерывная попытка раскрытия тех или иных избранных тем и проблем, обязательно связанных с соответствующими

щими событиями и фактами. По этой же причине допускаю некоторые повторы одной и той же темы или проблемы на разных этапах повествования. Хотя, по сути, они уже стали «другими», так как возникли в ином времени и пространстве.

В книге я мало говорю о людях, отношение с которыми имело то или иное значение для моей личной жизни и моего духовного пути. Признаться, такая моя забывчивость, касательно не столь событий и явлений, сколь людей, сыгравших определенную роль в моей жизни, меня очень огорчает. Я прошу у них прощения. В книге есть художественная завуалированность событий и фактов, есть философское их постижения в духе самопознания, характеристики моих реакций на среду, события, факты. В книге нет стенания на свою судьбу, ибо, с детства внемлю назиданиям мудрых людей: во-первых, «никогда не жалуйся: пожалеть – не пожалеют, уважать перестанут!»; а, во-вторых, «никогда не говори людям о своих проблемах, восемьдесят процентов ими не интересуются, остальные двадцать процентов рады, что они у тебя есть!».

Признаюсь, что большая часть моей книги написана сухим, почти канцелярским языком. Однако, сделав выбор в пользу аналитического мышления, моей сущностью было отвергнуто внутренняя интуиция о возможной реакции других людей, а моя слабая попытка связать суть моих рассуждений с теми или иными своими жизненными ситуациями, вряд ли привносит четкость. Между тем, как считает А. Бергсон (1859—1941) «истинный философ – не тот, кто занимается сухим анализом концепций, а тот, кто развивает свою интуицию для приобщения к сущности бытия и осознания себя как частицы всего» [Бергсон А. Творческая эволюция, 1907].

Возможно, знакомство с текстом оставит у читателей ощущение разбросанности и многословия, а моя риторика сплошь состоит из свободных стилистических ассоциаций. Однако, я следовал стилю М. Фуко (1926—1984), требующего «не менее одной страницы для объяснения идеи, которая при более тщательном подходе могла бы уместиться в один или два абзаца» [Фуко М. Слова и вещи, 1966]. Между тем, мне было важно следовать «невывыказанному порядку» моего времени и пространства. В этом аспекте, мне всегда могут возразить – «Мы вроде понимаем, о чем вы говорите, – но зачем так все усложнять?».

Понимаю, что если сомневающимся будет все больше и больше, то книгу ожидает судьба книг, «выпавших мертворожденной из прессы». Я согласен с тем, что книга мною составлена из мыслей, замечаний, высказываний, которые зачастую перескакивают из одного контекста в другой. Не раз и не два пытался отшлифовать текст, привести в порядок и придать ему определенную форму, но а потом решил, пусть останется таким, каким мне виделся общий сюжет в самом начале труда.

Меня могут упрекнуть, что при написании своих книги я очень часто цитирую авторов. Но откуда же ученому черпать идеи и мысли? Я убежден в том, что их следует черпать у еще более ученых, умных и мудрых. По мнению М. Монтеня (1533—1592), «нет ничего достойнее времяпровождения, посвященного цитированию и комментированию трудов великих предшественников, занимающих верхние ветви древа познания» [Монтень М. Опыты, 1580]. Признаюсь в том, что довольно часто, наряду «Я», да «Я», твердил: «моя книга», «мое мнение», «моя позиция», «моя история», «моя работа». Боюсь кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь скажет, что нужно было писать «наша книга», «наше мнение», «наша позиция», «наша история», «наша работа», ибо, как говорил Б. Паскаль (1623—1662): «Чаще всего в книгах больше чужого, чем собственного» [Паскаль Б. Мысли, 1660].

Все это понятно, но речь то идет о «Я-концепции». Трудно не учитывать тот факт, что «некоторые люди думают не тем местом, а то место, чем думают такие люди, предназначены совсем для других целей». Со временем, оказывается, человек начинает понимать фразу Стендаля (1788—1842) о том, что «писатель не должен думать о критике, как и солдат о госпитале». Потому, что в жизни можно довольно часто услышать такое о книгах, что диву даешься изощренной злобности людей. Чего скрывать, такой недостаток есть и у моей книги, в которой

нет да нет проскакивает неприкрытая субъективность, поверхностная логика, почти злобная публицистика.

В моем ученом окружении есть люди, которые считают, что у них больше извилин в мозгу, чем у меня. Однако, не это определяет твой интеллект. Интеллект – это продукт особого регистра мышления. В данной книге я описывал самого себя, подкрепляя свои мысли высказываниями ученых, писателей, мудрецов. Само по себе мысль о том, что нужно и такая писанина, как мое, исходило из того, что я никогда не достигал ничего большего, чем самая что ни есть заурядная посредственность во многих областях жизни, работы, учебы. Но, тем не менее, книга написана и вынесена на публику. Г.К.Лихтенберг (1742—1799) писал: «Когда книга сталкивается с головой – и при этом раздается глухой пустой звук, разве виновата книга?».

Я не боюсь того, что мои книги не воспримут. Не беда. К чему комплексовать, если тебя не читают. Для меня, это, не вариант. Признаться, я с детства люблю книжные магазины и библиотеки. И знаете почему? С годами я убедился в том, что они являются пунктом назначения для одиноких, учитывая, как много книг было написано потому лишь, что автор не мог найти себе подходящего слушателя или собеседника. Однако, кого бы не взялся изображать, я всегда играл вместе с тем и самого себя. О таком исходе говорил в свое время философ-отшельник М. Монтень.

О чем моя книга? Обо всем. Обо всем, что волновало меня, начиная с детского возраста, завершая пенсионным, старческим возрастом. Ни в коем случае мне не хотелось бы писать мемуары, то есть воспоминания о былом. Я обыкновенный человек и ученый, судьба которого не так уж и богата на события и факты. Нет. Мне нужно было рефлексировать даже на незначительные события и факты, основываясь на личном жизненном, научном, творческом и социальном опыте.

Согласно философии Ж.-П. Сартра (1905—1980), мы можем изобретать самих себя и строить жизнь так, как захотим [Сартр Ж.-П. Бытие и ничто, 1943]. Иначе говоря, когда мы анализируем свою сущность («Я»), то в ее центре находим пустоту, или ничто. «Однако это «ничто» подразумевает нечто великое, так как получается, мы абсолютно свободны и можем строить свою жизнь по своему желанию», – писал автор. «Мой ум и мысли бредут ощупью, пошатываясь и спотыкаясь, и даже тогда, когда мне удастся достигнуть пределов, дальше которых мне не пойти, я никоим образом не бываю, удовлетворен достигнутым мною, я всегда вижу перед собой неизведанные просторы, но вижу смутно...», – писал М. Монтень [Монтень М. Опыты, 1580]. Этот признанный художник человеческой души признавался: «Я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо иного, а себя самого».

В процессе написания книги многократно убеждался в правоте Сиона де Бовуара (1908—1986), Ж.-П. Сартра, М. Монтеня о том, что «нет описания более трудного, чем описание самого себя» [Симона де Бувар. Второй пол, 1949; Сартр Ж.-П. Бытие и ничто, 1943]. Через самонаблюдение, самоанализ, самоотчет, самопрезентацию, мы лишь пытаемся приблизиться к тайне своего «Я». При этом, обязательно, познавательные способы предполагают раздвоение «Я»: во-первых, «Я» как «наблюдатель»; во-вторых, «Я» как «наблюдающее». То есть как субъект и объект, но целостностную познавательную картину можно получить, когда анализирующий (объект) получит одобрение анализирующего (субъекта).

Каждая форма «Я» представляет собой образец философского творчества, в котором автор обращается к тем людям, на мышление которых он хотел бы повлиять, что, в свою очередь, приводит к становлению феномена «Я-концепции», как одного из способов понимания и познания себя и окружающего мира. Когда человек пройдет все этапы жизни – «огонь, воду и медные трубы», он будет вести себя снисходительно, оценивая свои поступки с некоторой отстраненностью, а то и с презрением. Речь пойдет ни много ни мало о том, чтобы вновь начать

Познание, то есть создать совсем иную историю, очищенную от прежнего налета, наслоения, в которой нам будет дано вновь обрести снисходительный покой и умиротворение.

Таким образом, на мой взгляд, сконцентрировавшись на особенностях траектории личной жизни и работы можно было осмыслить те причины, оказавших наиболее существенные влияния на итоги жизни и творчества. В этом смысле, именно осмысление причин, главным образом внутренних и представляет научный интерес в процессе формирования «Я-концепции». Понятно, что при этом приходится иметь дело со смутными, зыбкими понятиями, опираться больше на интуицию, чем на логику и разум, опираясь на свою внутреннюю убежденность. Я знал, что истина недостижима, но мне было горько осознавать эту правду, по собственной воле и разумению впрягаясь в разрешение еще одной научной проблемы.

Когда я пытаюсь описать свою жизнь, его перипетии, зигзаги, взлеты и падения, то я подпадаю под позицию фрейдистской этиологии, которая рассматривает жизнь как грандиозный роман, построенный на причинах и следствиях. Отсюда и все подробности: где и когда я родился, каким было мое детство, каким я был в школьные и студенческие годы, где и в каком коллективе мне пришлось работать. Я строил свой автопортрет в соответствии с таким сюжетом: «Моя жизнь прошла так-то и так-то, но у меня не было иного выбора, и я не виноват в этом. Все дело в моем прошлом, в моем окружении и так далее». В этом отношении я был не далек от парафраза «Я – не я, и лошадь не моя». Но прошлое в качестве оправдания – это не что иное, как жизнь, как одно мгновение.

Между тем, насколько я себя помню, ставил цели на будущее и рассматривал свою нынешнюю жизнь как подготовительный период. То есть какие-то цели всегда откладывал «на потом». Буду честен в том, что никогда не задумывался о нечто высоком: ради чего я родился, и ради чего мне предстоит вынести все жизненные тяготы. В этом аспекте, если я оглянусь на свою жизнь вплоть до сегодняшнего дня, то, как бы я ни старался, меня трудно отнести к категории людей, всегда придерживающихся принципов здравого смысла, мне не найти удовлетворительного объяснения, почему я существую здесь и сейчас. Хотя, признаюсь в данной книге выстроил цельную цепочку причинно-следственных аргументов в пользу жизненной и профессиональной линии своей истории.

Хотелось бы подчеркнуть и следующее: мне почему-то всегда казалось, что я либо «потерял себя», либо я еще «не нашел себя». Я сейчас искренне жалею, что в свое время не слышал советов искушенных людей о «более реалистичном отношении к жизни», везде пытаюсь постичь его законы самостоятельно, не раз и не два в жизни оказываясь на грани отказа от своих надежд и мечтаний. Кто знает, может быть это моя модернистская философская недостаточность, что под стать моего личного комплекса неполноценности. Если честно сказать, то я так и не научился прислушиваться к чужому мнению. В своей жизни много раз пережил непростой опыт сложных и запутанных межличностных отношений, а, возможно, они запутывались именно из-за моей неопытности, нелюдимости, закрытости.

В моей памяти много случаев, когда я был не способен настоять на своем из страха обидеть других, а в результате мне иногда приходится отказываться от того, что на самом деле хотел делать. Что скрывать, я пользовался расположением своих родных и близких, сородичей и коллег, знакомых, возможно, испытывал их искренность и терпение. Реальность такова, что я, сейчас в таком, довольно преклонном возрасте, прожившие свою половину жизни в XX веке, лишь в порядке некоего утешения, хотелось бы сказать, что это дает повод мне меньше «дергаться» по поводу происходящего сегодня хаоса и неразберихи в медицине, науке, образовании, культуре, которые оказались покруче тех судьбоносных перемен в нашей системе, которую мы некогда пережили.

Возможно, это и правильно. Зачем? Иногда мне кажется, я и так сделали в жизни многого – добросовестно учился, плодотворно работал, заботился о семье, детях, судьбе страны, целиком и полностью отдаваясь делу, которым я занимался. А ведь лишь по ходу этого самого

процесса, как мне кажется, я, в силу своих возможностей «построил дом, посадил дерево, вырастил сына». Отдавая делу себя целиком, я не ждал отдачи от государства, а, будучи безотчетно совестливым по воспитанию, ради общей работы, заботы, интересы семьи, детей откладывали назад. Но все это позади, я реализовался и как личности, и как семьянин, породив и воспитав детей.

Сегодня, я в таком возрасте, когда все чаще и чаще ударяюсь в воспоминания – и своих, и чужих. Есть такая мудрость, обращенная к старым людям: «Вы сделали все, что могли. Вы никому и ничем не обязаны. Живите своей жизнью, наполняйте ее покоем и радостью». Есть и другая правда: «Рано или поздно разочарование придет. Она коснется и дела, и семьи, и потомков. Одно поколение будет сменяться другим, а большего понимания между ними никогда не было и не будет. Такова реальность жизни, а потому, не слишком заикливайтесь на своих разочарованиях. Ищите утешение». Что ни говори жестоко, но в них есть логика понимания возрастного психологического одиночества.

Лишь с годами начинаешь понимать, что для каждого из нас значил и значит одноклассник, одноклассники, сокурсники, соратники. Это и понятно, ведь они твои спутники по жизни, на каком-то этапе жизни они были, безусловно, значимыми личностями для тебя. Кем они стали? Каких вершин нам жизнь достигнуть разрешила? Действительно ли жизнь разложила нас по ранжиру под свой аршин, или же, наоборот, несправедливость сыграла и здесь свою злосчастную роль? Кого жизнь отметила ударом ниже пояса, а кого взлелеяла? Как отразились указанные периоды на наших детях и внуках?

Сейчас я стою на берегу реки, в которую войти дважды, к сожалению, никому не суждено, наступило время собирать камни, разбросанные в течение полувека своей жизни. Нужно осознавать то, что для нас – стариков «воспоминание – это единственный рай, из которого нас никто не сможет изгнать». Когда я смотрю на фотографии своих родителей, друзей детства, одноклассников, сокурсников, коллег по работе глубоко волнует то, что старые фотографии все же носят печать печали о безвозвратной утери молодости, а о встрече одноклассников, сокурсников, бывших коллег и друзей молодости, говорят, как, своего рода, горделивом осмотре «санитарных потерь» своих в своем ряду. К сожалению, от таких потерь никто не застрахован и я, в силу своего возраста и опыта жизни, понимаю и давно готов встретить такую горечь безвозвратных потерь.

Естественно, наступит время, когда никто и не вспомнит мое имя, история и люди постепенно забудут о моем существовании в этом мире. Между тем, личность ученого может подпасть забвению, но только не законы природы. В этом плане, считаю нужным привести факт об открытии мною закономерности формирования и изменения состояния научно-мировоззренческой культуры. Ссылаюсь на свое одноименное научное открытие, сделанное в 2018 году. Смысл в том, что любое учение, любая теория, в том числе и моя теория («Теория Ашимова»), когда-нибудь перерастет границы отдельной области исследований и станет более общим, вклиниваясь в другие концепции и учения. Возможно, и в моей теории, также, как и в других теориях кроется наивность того, что можно изменить человека, его суть, психологию, философию его мыслей. Если бы это было легко, мы не тратили бы так много времени на напрасные желания.

Мне могут возразить, что хорошо известна моя репутация свободного философа, чьи поучения и аргументы необычны, но их трудно осмыслить и понять. Люди не меняются, как бы сильно они этого ни хотели, а потому шарахаться от одной теории к другой, от одной религии к другой, от одного социального строя в другой, утверждающих, что люди меняются, – неправильно по сути. В этом аспекте, детерминисты утверждают, что наше настоящее и будущее предопределено прошлыми событиями, поэтому его нельзя изменить. Однако те, кто стоит на позициях этиологии, включая большинство психиатров и психотерапевтов, будут говорить, что ты страдаешь из-за какой-либо причины в прошлом. Потом они просто начнут

утешать тебя и скажут: «Видишь, ты в этом не виноват». Если продолжить линию рассуждений, то любое правонарушение, совершенное в обиде, вине, гневе, страхе может быть оправдано, а человек не несет за него ответственности.

Естественно, я не хотел и не хочу, чтобы мои сочинения подвергались бы критике, и определенно боюсь, что они окажутся неудачными, а меня сочтут графоманом. Но кто не хочет, в том числе и я, жить в царстве возможностей, где можно говорить, что ты написал бы литературный шедевр, если бы располагал свободным временем или подходящими условиями. Но получилось то, что получилось. Это важно и для того, чтобы определить «где ты находишься на данном моменте своей жизни и творчества».

Конечно же, широкое признание – это хорошая позиция. Но не следует забывать, что в общении с людьми практически невозможно избежать боли откровенной критики, непризнания, игнорирования твоих произведений, от чего будешь страдать сам и причинять боль другим. Вот почему, мудрецы говорили: «Все, что можно сделать для избавления от любых проблем, связанных с неприязнью и отвержением— это остаться во вселенском одиночестве». Одиночество – это ощущение глубокого отчуждения и изоляции от общества и Человек становится «индивидуумом» только в общественном контексте. Ф. Ницше писал о том, что настоящий философ живет «не по-философски», «не мудро», что он есть «больная совесть» своего времени и культуры [Ницше Ф. За пределами добра и зла, 1886].

Я с детства люблю читать биографии великих людей, в частности, серию «Жизнь Замечательных Людей», где повествование об их жизни часто вызывают удивление и восхищение. Причем, не некие подробности личной жизни, а драматизм борьбы за реализацию тех или иных целей, ценностей, сущностей. Черт его знает, возможно, мой акцент на комплекс личной неполноценности – это уводящий прицел. Вызовет ли интерес у людей моя борьба за свою цельность и свободу творчества? Но я уверен, что никто не сможет опровергнуть мои знания, включенные в книги и монографии, коих уже свыше ста. Дома они расставлены в трех полках книжного шкафа. Мои домашние в шутку называют их «библиотекой Абсолютного знания».

Знаю, что они, возможно, будут интересны и нужны людям. Может ли это стать утешением для меня? Разумеется, нет. Но, однако, в этом и ужас потока жизни, ужас забытых жизней, идей, устремлений. Перечитывая вышеуказанную серию «ЖЗЛ», осмысливая жизнь великих людей, понял весь драматизм их борьбы за то, что имеет смысл остаться в памяти поколений. Сократ (469—399 г. до н.э.) говорил: «Жизнь бессмыслен, если ничего не останется», а другой мудрец, отвечая на вопрос «в чем смысл жизни?», говорил: «смысл жизни в самой жизни». В конце концов, может, это естественно, и смысла просто не существует? Но тогда почему таков влечение людей, обязательно оставить память о себе, стремление увековечить себя, стать известным и вечно актуальным?

Итак, я, приступая к своей «Я-концепции» (философский автопортрет), собрав и храня самые важные материалы для нее, в сущности, плохо понимаю, зачем это делаю. Несколько месяцев я робко задавался вопросом о нужности или ненужности такой самопрезентации, был в растерянности перед собственной жизнью, которую почти уже прожил. Но недавно все же решился послушать, наконец, самого себя. Чего больше я принесу своим влиянием через свою философскую автобиографию? По крайней мере, вреда не будет, – сказал я, проявляя снисходительность к самому себе.

Действительно, в книге многие вещи, которые я не вообще не намеривался сообщить даже близким и родным, а я вознамерился сообщить о них всему честному народу. В чем такой парадокс? Возможно, в том, что нарисованный мною собственный философский автопортрет – это лишь попытка, чтобы окружающие меня люди понимали бы правильно, без искажений и предвзятостей. Ведь для меня «Счастье – это того, когда тебя понимают!». Вот и наступила седая осень жизни. Мой философский горизонт стал еще более недалеким и смутным. Но, поверьте! Моя тень твердит о том, что даже у самых-самых личностях добродетели в мире,

мы не найдем большего числа поучительных примеров, чем в собственной. Потому нечего комплексоваться!

Хотелось бы написать по своему хорошую полемичную монографию. А что получилось, пусть судит сам читатель. Нет никаких оснований падать духом, если на сторонний взгляд, мы совсем не напоминаем этих ангажированных мыслителей. Простая жизнь, честность, порядочность, стремление к мудрости – уже достаточное достижение в жизни. Вот-так я приступил, прежде всего, к освещению теоретических контекстов «Я-концепции».

Глава 2

«Я-концепция»: теоретические контексты

В данной главе изложены теоретическая база «Я-концепции» с акцентом на комплекс неполноценности. Как известно, «Я-концепция» представляет собой совокупность установок человека на самого себя. Нужно отметить, что данная феноменология лежит в области психологии и философии. Причем, все исследователи данного вопроса солидарны в том, что недостаточно изученным является именно взаимодействие психологического и философского подходов к сути «Я-концепции». Ясно, что философский подход отличается преимущественно изучением содержания «Я-концепции», в то время как психологический подход отличается вниманием к ее структуре, форме и общим закономерностям функционирования. Однако, отсутствие связей и преемственности между знаниями психологического и философского содержания приводит к утере значимых и взаимодополняемых знаний об истинной природе личности.

Авторы психологических теорий и концепций (А. Адлер, З. Фрейд, К. Юнг и др.) подчеркивают, что вне содержания «Я-концепции» представляется сложным ответить на ряд философских вопросов, в частности, что есть добро и зло, как человек познает мир, что является движущими силами его развития [Адлер А. Стремление к превосходству, 2017]. Нужно отметить, что изучение «Я-концепции» в философии с самого начала содержало в себе фундаментальное противоречие: человек в вечности – носитель вечных ценностей, а человек во времени – физическое явление, он рождается и умирает. Очевидно, существование человека – это всегда напряжение между временным и вечным.

Хотелось бы подчеркнуть, что главной целью «Я-концепции» является поиск идентичности, профилактика «кризиса идентичности», который возникает практически всегда, в особенности в условиях коренных сдвигов общественного сознания. При формировании «Я-концепции» теоретически важно удерживать в памяти события далеких прошлых лет. «Человек может не быть тем же человеком, которым был много лет тому назад, – пишет Дж. Баджини (1988). – Но всю жизнь он поддерживает ощущение индивидуальности, как некоей суммы телесных ощущений, мыслей и чувств» [Баджини Дж. Уловка эго, 2011]. Между тем, это и есть внутренняя цельность и непрерывность собственной «Я-концепции».

В свое время Ж.-П. Сартр [Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто, 1943], поддерживая мысль о целостности личности говорил о том, что «человек может изобретать самих себя и строить жизнь так, как он хочет». Дж. Милля (1806—1877), С. Крипке (1940—2022) были солидарны в том, что «человек – есть тот, кто он есть» [Милля Дж. О свободе, 1859; Крипке С. Именование и необходимость, 1972]. Между тем, Д. Юм (1711—1776) отрицал существование отдельной полноценной личности, или человеческого «Я» [Юм Д. Исследование о человеческом разуме, 1748].

Для того, чтобы выжить в этом мире и удовлетворить законные запросы своего разума, человек должен, помимо последовательности, достичь состояния соответствия своему времени и пространству. В этом аспекте, «Я» должен учитывать многое «Я» и, прежде всего, «социальное Я». Причем, не только тогда, когда хочется преуспеть в социальном окружении. «Я» может быть идентичен себе только в том случае, если является индивидом, то есть отличается от других людей, а также ждет признания себя с их стороны в рамках общих интересов и ценностей. Лишь выбрав, каким ему быть, только найдя свое место в социальной иерархии разных людей и функций, «Я» может достичь новой и стабильной идентичности. Между тем, идентичности угрожает сила – неумолимое время, которое, в конечном счете, может разрушить идентичность человека самому себе.

По мнению В. Хесле (2012), «кризис идентичности» является самым болезненным жизненным переживанием», глубина которого зависит от того, сколько факторов нарушено. Раз-

ные факторы и причины могут усиливать друг друга, скажем, сомнения относительно ценностей, которым следовал человек до кардинального перехода, забвения прошлого и отчуждение людей. Естественно, сомнения и забвения того, что было в прошлом – это положительные моменты, так как уничтожаются иллюзии и наиболее «неудобная» часть того самого прошлого. Между тем, все это способствует развитию человека на будущее.

Каковы аспекты осмысления «Я» в философии? Понятие «Я» появляется у Р. Декарта (1596—1650) в качестве мыслящего субъекта и выражены в его афоризме: «Я мыслю, следовательно, существую» [Декарт Р. Размышления о первой философии, 1641]. Такое понимание «Я» утверждается и в рационалистической традиции новоевропейской философии. Для Г. В. Лейбница (1646—1716) специфическим отличием разумных душ является способность к саморефлексии, постижению «Я», тогда как в противоположность этому Д. Юм, размышляющий с позиций эмпиризма, видел в «Я» не субстанцию, но лишь «пучок восприятий», объединённых ассоциативными связями [Лейбниц Г. Теодицея, 1710; Юм Д. Исследование о человеческом разумении, 1748].

В «критической философии» И. Канта (1724—1804) проводится различие между эмпирическим «Я» и трансцендентальным «Я» [Кант И. Критика чистого разума, 1781]. Эмпирическое «Я» отражает внутреннее чувство, а трансцендентальное «Я» – это априорное единство сознания. Нужно отметить, что «Я» в акте самосознания лежит в основе всей философии И. Фихте (1762—1814). Для Г. Гегеля (1770—1831) «Я» – это сущность и абсолютный предмет самосознания как простого для-себя-бытия, тогда как А. Шопенгауэр (1788—1860) определяет «Я» как тождество метафизического (воли) и физического (интеллекта) [Гегель Г. Феноменология духа, 1807; Шопенгауэр А. Мир как воля и представление, 1818].

С. Кьеркогер (1813—1855) противопоставляет абстрактному и бессодержательному абсолютному «Я» И. Фихте конкретное эмпирическое «Я» повседневного опыта [Кьеркогер С. Страх и трепет, 1843]. В феноменологии Э. Гуссерля (1859—1933) тезису о «случайности» мира противостоит тезис о «Я», совершающем интенциональные акты сознания.

Каковы же аспекты осмысления «Я» в психологии? «Я» – субъективное представление и переживание собственной личности, – таково мнение большинства авторов [Гуссерль Э. Наблюдения, 1912]. У. Джеймсом (1842—1910) были выделены два аспекта «Я», открывающиеся в самонаблюдении: наблюдающее и познающее, «Я», отчётливо переживаемое, но про которое ничего нельзя сказать, и наблюдаемое, или познаваемое, «Я» – то, что субъект может сообщить о себе («Я-концепция») [Джеймс У. Прагматизм, 1907].

З. Фрейд (1856—1939) в своей трёхчленной концепции психики понимал «Я» как сознательную инстанцию, контролирующую действия субъекта на основе принципа реальности, противопоставляя её импульсивному иррациональному «Оно». Выдвинутое К. Г. Юнгом понятие «самости» рассматривалось им в качестве главного из архетипов коллективного бессознательного, задающего конечную перспективу развития личности – обретение ею целостности в процессе индивидуации. Дж. Мид (1863—1931) в концепции целостного «Я», формирующегося через усвоение отношения других людей, выделил «моё», выражающее воспринятые субъектом социокультурные нормы и установки конкретного сообщества.

А каковы же аспекты осмысления «Я» в социальной психологии и психологии личности? Г. Олпорт (1897—1967) выделил следующие аспекты «Я-концепции»: во-первых, телесная самость, ощущение границ своего тела; во-вторых, чувство самоидентичности; в-третьих, чувство самоуважения вследствие успешного решения задач; в-четвертых, ощущение принадлежности себе части мира, понятие «моё»; в-пятых, образ себя, понимание видения себя другими, переживание внешних оценок; в-шестых, реалистичное мышление; выбор жизненных целей, поиск смысла; в-седьмых, самосознание, синтезирующее все остальные аспекты.

К. Хорни (1885—1952) показала, что здоровое развитие личности опирается на осуществление «реального Я», а подмена его стремлением реализовать «идеальное Я» ведёт к раз-

ным вариантам невротического развития. К. Роджерс (1902—1987) выявил, что здоровое развитие и сближение между «реальным Я» и «идеальным Я» вытекает из опоры на собственный опыт и открытость ему, в противовес опоре на внешние оценки, и разработал подходы к укреплению позитивной самооценки.

«Я-концепция» изучалась многими исследователями (У. Джеймс, К. Роджерс, Э. Эриксон, Ч. Кули, Дж. Мид, Р. Берне, И. Кон, Л. Гримак, И. Кулагина, Л. Фридман и др.). К. Роджерс, раскрывая природу человека, в качестве основного мотива поведения указывает его стремление к актуализации. Актуализация «Я» (самоактуализация) состоит в стремлении индивида развиваться в направлении все большей сложности, самодостаточности, зрелости и компетентности. Воспринимая «Я-концепцию» и «Я» как синонимы, К. Роджерс определяет «Я» как «структурированный непротиворечивый гештальт, состоящий из представлений свойств «Я» как субъекта и «Я» как объекта.

Некоторую ясность в этот вопрос вносит Р. Бернс (1759—1796), который разработал структуру «Я-концепции» в виде иерархической системы. На ее вершине находится глобальная «Я-концепция», включающая всевозможные грани индивидуального самосознания. Очевидно, она включает в себя всю совокупность установок индивида, направленных на самого себя. Следует отметить, Э. Эриксон (1902—1994) в своей периодизации личностного развития выделил поиск идентичности (ответ на вопрос «кто я?») в качестве важнейшей задачи в подростковом возрасте.

Психологами описан ряд различных «эго-состояний», позволивший выделить качественно различающиеся аспекты «Я», получила развитие концепция «возможных Я» (Х. Маркус), в которой ставится акцент на изучение потенциальных вариантов изменения себя в перспективе будущего. В экзистенциальной психологии особое внимание уделяется «внутреннему центру» активности (Р. Мэй, Дж. Бюджентал), лежащему в основе способности человека к «самодистанцированию» (В. Франкл), активного отношения к самому себе. По К. Юнгу, целью и результатом самопознания является выработка личностью системы представлений о самом себе («образ-Я»).

В психологических исследованиях «образ-Я» выделяют несколько автономных характеристик, подлежащих измерению, которые, по мнению И. Кона (1928—2011), и дают оценку уровня самосознания. Таким образом, все представления относительно своего «Я», которые субъект деятельности принимает как само собой разумеющееся, организуются в систему «Я-концепции». Последняя, по мнению ряда исследователей (Р. Берне, И. Кон, В.П.Зинченко, Д.А.Леонтьев и др.), в свою очередь, подготавливает необходимые условия и реализует непосредственно процесс развития личности профессионала. Даже в житейской практике можно часто услышать фразы типа «он создал самого себя», «он собрал самого себя». Еще Э. Гуссерль писал о том, что «Я» выполняет функцию сборки как организации себя в трансцендентальном горизонте своих возможностей в живом настоящем.

Г.Ф.Гегель (1770—1831) писал о том, что базовым механизмом сборки самого себя выступает онто-рефлексия, основными функциями которой является: во-первых, определение и выстраивание границ психики; во-вторых, собирание и связывание их в некоторые психические целостности; в-третьих, организация психических деятельностей при движении к основаниям собственной активности (М. Мерло-Понти, Т. Метцингер). Теория автопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела, Н. Луман) делает акцент на самостроительстве, что следует понимать, как целенаправленную организацию своей активности в конкретных условиях жизнедеятельности. Н.Д.Гордеева, В.П.Зинченко считают, что рефлексия должна быть неременным признаком любого действия, претендующего на целесообразность и разумность.

Центральным механизмом онто-рефлексии является сопоставление: во-первых, оценки ситуации; во-вторых, оценки своего собственного состояния; в-третьих, оценки возможностей действия с ситуацией. В этих процессах онто-рефлексия позволяет человеку охватить соб-

ственную жизнь в широкой временной перспективе, создавая тем самым целостность, непрерывность жизни, позволяя субъекту необходимым образом перестроить свой внутренний мир и не оказаться всецело во власти ситуации. Тем не менее, более конструктивно процесс собирания себя следует рассматривать в рамках «Я-концепции».

Таким образом, собирание себя есть определение границ своего присутствия в мире посредством различных видов и форм онто-рефлексивной активности. Человек собирает себя как «Я-концепцию», которая и есть он сам, но процесс этот не так прост и имеет свои особенности. «Я-концепция» – это базовый механизм самосборки и реализации определенных ценностно-смысловых образований, которые определяют человека (М.М.Бахтин). При этом «Я-позиция» вырабатывается самой личностью, отличается своей мотивационной и смысловой наполняемостью, ролевыми превращениями, направленностью на будущее.

По сути, человек и есть его обобщенная «Я-концепция» как механизм самосборки, конечно, с учетом отработанных и усвоенных социокультурных механизмов, в том числе и в аспекте «зеркального Я» (Ч. Кули). Интересно то, что нередко для того, чтобы собрать и связать себя, а значит, установить и культивировать для себя закон, то есть устойчивые причинно-следственные взаимосвязи, человек как бы отгораживается от своего окружения.

Итак, «Я-концепция» – это совокупность представлений человека о самом себе, о том, какими качествами и характеристиками он обладает. Она возникает постепенно, в процессе социального взаимодействия и самопознания, сплавляется из множества частных образов своего «Я» и дает человеку ощущение самотождественности и идентичности. В этом плане, мое жизнеописание и «Я-концепция» имеет свою логику. Мой зигзагообразный трудовой и творческий путь с резкими переменами и перепадами представляет собой яркий пример возможной судьбы ученого, так, что при составлении своей «Я-концепции», руководствовался логикой Сенека (4—65 до н.э.) «Долог путь поучения, но короток и успешен путь примеров».

Первоначально «Я-концепция» во многом зависит от внешних воздействий, но сформировавшись, начинает выполнять самостоятельную роль – самого себя, свой опыт и весь окружающий мир человек воспринимает, находясь под ее влиянием. В этом аспекте, «Я-концепция», очевидно, действует как внутренний фильтр, проходя через который весь жизненный опыт человека осмысливается и получает значение. В своей автобиографии Конфуций (551—475 до н.э.) отмечал: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе [Конфуций. Беседы и суждения, V в. До н. э.]. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я избавился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю неба. В шестьдесят лет я научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям своего сердца». В этом смысле, согласно утверждению психологов, функции «Я-концепции» заключаются в следующем: во-первых, это достижение внутренней согласованности личности; во-вторых, это интерпретация жизненного опыта; в-третьих, это определение ожиданий человека в отношении своего будущего.

Известно, что столкновение противоречащих друг другу представлений, чувств, идей, относящихся к представлениям человека о себе, вызывает у него ощущение психологического дискомфорта. В этой связи, человек всячески пытается этого избежать, предпринимая действия, способствующие достижению утраченного равновесия, стараясь избежать внутренней дисгармонии. Так достигается внутренняя согласованность личности, а это, между тем, является приоритетной задачей «Я-концепции». Ведь сложившаяся «Я-концепция» обладает свойством самоподдержания, благодаря чему у человека создается ощущение своей постоянной определенности, самотождественности.

Именно это, как было отмечено в главе I, мотивировало меня на создание своей «Я-концепции». Хотя, если честно, то я боялся и боюсь, что мне когда-то и кто-то напомнят мне слова Н. Бора (1885—1962) «Ваша идея, конечно, безумна. Весь вопрос в том, достаточно ли

она безумна, чтобы оказаться верной» или же слова Г. Гельмгольца (1821—1894) «Требуется хорошая систематизация, чтобы не потеряться безнадежно в лабиринте учености».

Нужно отметить, что даже при относительной жесткости «Я-концепции» человек сохраняет возможности для адаптации к меняющимся внешним условиям, для самоизменения и развития, необходимых для решения стоящих перед ним задач. Неожданное осознание неадекватности существующего «Я-образа» и вызванное этим замешательство и далее последующее исследование, направленное на поиск новой идентичности, более соответствующей реальности и является процессом самопознания и формирования адекватной «Я-концепции», который, кстати, продолжается всю жизнь. Кто знает, может быть и прав А. Франс (1844—1924), которому принадлежит афоризм: «Ученые весьма часто отличаются от нормальных смертных способностью восхищаться многословными и сложными заблуждениями». Очевидно, что скептиков в отношении моего «Я-концепции» будет немало. Но, это уже судьба.

Психологическая школа А. Адлера (1870—1937) выделяют три основных уровня «Я-концепции»: во-первых, непосредственно сами знания и убеждения человека (когнитивная составляющая или «Я-образ»); во-вторых, переживания человека в связи с этим (оценочная составляющая, самооценка); в-третьих, как человек ведет себя в действительности (поведенческая составляющая). Компоненты «Я-концепции», во-первых, тесно взаимосвязаны друг с другом, а, во-вторых, обладают относительно самостоятельной логикой развития. Причем, они стремятся к внутренней согласованности и непротиворечивости.

Существует закономерность: во-первых, новый опыт легко усваивается, если соответствует представлениям человека о себе, а, во-вторых, если ожидания и действительность не совпадают, включаются защитные механизмы психики, которые помогают человеку интерпретировать происходящее таким образом, чтобы оно соответствовало его «Я-образу». Так или иначе «Я-концепция» тесно связана с самосознанием и представляет собой результат, итог работы этого процесса [Адлер А. Стремление к превосходству, 2017].

По мнению Э. Эриксона (1902—1994) стабильность «Я-концепции» обеспечивает человеку чувство уверенности в направлении своего жизненного пути, в восприятии своих различных жизненных ситуаций как единого непрерывного в своей преемственности опыта. Другая функция «Я-концепции» – это интерпретация жизненного опыта, когда, проходя через фильтр «Я-концепции», информация осмысливается, и ей присваивается значение, соответствующее уже сформировавшимся представлениям человека о себе и о мире. Еще в молодости людей, я, в зависимости скорее от жизненной активности и стиля поведения, условно разделял на три категории: «лидирующие»; «колеблющиеся»; «отстающие». При этом к «лидирующим» относил людей, которые по природе своего живого ума, воли, способностей, решительности далеко уходят вперед, тогда как к «отстающим» – людей, которые рано понимают свой небольшой умственный потенциал и активность, а потому уже свыклись с мыслью замыкать конец.

Что касается категории «колеблющейся», то, на мой взгляд, к их числу можно отнести людей, которые обладают определенным потенциалом и способностью, а потому не раз и не два пытаются догнать «лидирующих», но каждый раз терпят неудачу, понимают, что они в силу своей природы и способностей никогда не смогут нагнать их, а потому разочаровано сбавляют свою активность. Однако, в скором времени замечая, что те самые «отстающие» люди уже наступают им на хвост и, чтобы оторваться от них вновь прибавляют хода все ближе нагоняя впереди идущих. Вот-так вновь цикл повторяется. В назидании именно таким вот ученикам Аристотель (384—322 г. до н.э.) писал: «Ученикам, чтобы преуспеть, надо догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто позади». В этом плане, я отношу себя к категории «колеблющихся» людей.

Признаться, я часто ставил перед собой непомерные цели, а не получив ожидаемого результата, сдавался, впадал в уныние и панику, но в следующий момент, как бы «восставал из пепла», прибавлял ходу за погоней уже новой, как оказывалось позже, снова нереальные

цели. В этом аспекте, наверняка прав П. Буаст (1765—1824), который писал: «Пределы науки проходят на горизонт: чем ближе подходят к ним, тем более они отодвигаются». Это так, но что мною двигало вперед и что сдерживало? Оказывается, мой комплекс неполноценности как бы шептал мне на ухо «Довольствуйся достигнутым, на более ты не способен, тогда как мой комплекс превосходства всегда и некстати шептал мне – а как же с оправданием звания, должности, миссии, предназначения». Как я уже говорил людей можно разделить на три категории: «впередиидущие», «средние», «позадиидущие». Согласно индуизма первые – это сатта – гуна разума и чистоты; раджас – гуна активности и страдания; томас – гуна пассивности и инертности.

Таким образом, «Я-концепция» – это, прежде всего, динамическая система представлений личности о самой себе, формирующаяся в процессе самовосприятия, самопознания, самонаблюдения и самоанализа. Исследователи выделяют два обобщающих тезиса, характеризующих эту концепцию: во-первых, «Я-концепция» – это система взглядов направленных на понимание себя, формирование теории собственного «Я» личности; во-вторых, «Я-концепция» является продуктом самосознания.

Степень сформированности «Я-концепции» зависит: во-первых, внушение родителями образа или самоотношения; во-вторых, формирования стандартов выполнения тех или иных действий и программирования уровня притязаний; в-третьих, вовлечение в поведение, которое может повысить или понизить самооценку, изменить образ себя; в-четвертых, вовлечение в социальные отношения, в которых происходит усвоение реально существующих правил поведения, моральных норм. В целом, на современном этапе «Я-концепция», в основном, рассматривается как динамическая, относительно устойчивая, многоуровневая, эмоционально-оценочная система представлений человека о самом себе, отражающая отношение личности к себе и к миру в прошлом, настоящем и будущем. Это центр сознания, который строится на основе множества идентификаций и включает основные отношения личности и их реализации.

Известно, что в человеке многое определяет его «Я-позиция» на оси «свобода-детерминизм». От этой позиции зависит принятие человеком меры свободы и ответственности. Основные философские воззрения на «Я-концепцию» следует разделить на два вида: во-первых, «Я-концепция свободы»; во-вторых, «Я-концепция детерминизма». Согласно этих воззрений можно выделить следующие типы людей: во-первых, «Я-обладатель свободы», утверждающий, что он творец жизни, обладающий свободой выбора своего пути. Жизнь для такого человека ценна сама по себе; во-вторых, «Я-узник свободы», утверждающий, что свобода – это бремя ответственности. У такого человека чувство, что он заброшен в чуждый мир, что он одинок. У него экзистенциальная тревога, осознание конечности и абсурдность жизни, ощущение слабости, борьба с трагичностью жизни; в-третьих, «Я-свободный узник», утверждающий, что есть лишь он. У такого человека явный уход от суждений, сохранение своих границ, отрицание познаваемости мира.

Если «Я-концепция», построенная на позитивном отношении к свободе отражает активную творческую позицию «свободы для» – реализацию потенциала, оптимизм, веру в возможности человека, высокую самооценку и стремление к нравственной гармоничной жизни, то «Я-концепция», построенная на негативном отношении к свободе, утверждает обратное – отчужденность от мира и любых суждений о нем, уход, избегание и изоляция для защиты от ошибок, разочарований, заблуждений.

Следует заметить, согласно «Я-концепции детерминизма», жизнь человека управляется неподвластными ему силами, человеку суждено лишь формирование отношения к происходящему, придание смысла событиям с целью достичь душевного равновесия и смирения. Если «Я» ведом внешними силами, то «Я» остается марионеткой в руках судьбы, когда убеждение в том, что в мире все предопределено, тогда как «Я» ведом внутренними силами, то человек не осознает, зачем живет именно так, а не иначе.

Таким образом, защитные возможности «Я-концепции» «свободы для» состоят в самоценности жизни здесь-и-сейчас, что дает положительный заряд, мотивирует на конструктивное использование своих сил и возможностей, тогда как «Я-концепция» «свобода от» дает отрицательный заряд, мотивируя уход человека от суждений о мире.

Хотелось бы подчеркнуть, что исследования в ракурсе «Я-концепции» мною проведены по определенной схеме, а их итоги изложены в данной книге согласно схемы классификации М. Розенберга (1934—2015): во-первых, настоящее «Я», отражающее представление о «Я» в настоящее время; во-вторых, динамическое «Я», отражающее то, каким «Я» намерен стать; в-третьих, фактическое «Я», отражающее то, каким «Я» стал в реальности; в-четвертых, вероятное «Я», отражающее то, каким «Я» желал бы стать, если бы это оказалось возможным; в-пятых, идеализированное «Я», отражающее то, каким «Я» по его мнению должен был стать, ориентируясь на моральные нормы; в-шестых, профессиональное «Я», отражающее то, каким специалистом намерен был стать и реализовал ли свои способности «Я» в жизни; в-седьмых, творческое «Я», отражающее то, как намеривался реализовать свое творческое начало и как это удалось «Я» в жизни. Так или иначе, моя «Я-концепция» – это, по сути, мой философской автопортрет.

Важно отметить, что с позиции философии, вот сейчас, сию минуту, существует только реальность, когда любое событие или явление, а также получаемая нами информация об этом, осуществляется в режиме реального времени. В сущности, это означает, что для того или иного человека, в том числе и для меня, эти события и явления происходят одновременно, в реальном времени. Между тем, в прошлом или будущем этот человек существует уже в виртуальном мире, так как прошлое уже позади, а будущее еще не наступило. Так или иначе, в реальном времени они осмысливают и по-новому структурируют опыт человека, лишая его метафизической глубины. А это сказывается и на снижении степени полноты осознания человека самого себя, своего «Я», своей жизни, деятельности, так как, естественно, снижается качество запечатленных мгновений души.

В этом аспекте, лишаясь прошлого и будущего, человек приходит к потере смысла прожитой жизни, личностного будущего, то есть своей биографии, части смысла своего «Я». Потому, на мой взгляд, определенные «вехи» (ракурс, фон) в «Я-концепции» обязательны. Ведь важны моменты соотнесения с глобальными и жизненными обстоятельствами, условиями, главенствующими на тот момент и место, мироощущениями людей. Но, а с другой стороны, в настоящее время историческая наука тянется к истории одного человека, семьи, рода-племени, к реконструкции «былого» сквозь призму воспоминаний и личностных смыслов конкретного человека, конкретного «Я».

В 2022 году в моей серии «На перекрестках веков и тысячелетий» была издана моя капитальная монография «Тегерек: сущность теней» («Илим», 33 п.л.), которая отражает результаты моих многолетних исследований родовой идентичности. Кстати, моя же монография «Моя тень» отражает уже мою личную идентичность. К сожалению, большая часть внутреннего опыта «Я» уходит безвозвратно с окончанием жизни человека, а потому человек всегда пытался, пытается и будет пытаться передать своим потомкам ключевые фрагменты своего опыта, своего «Я». В этом аспекте, актуальным является попытка самопознания через объединение прошлого, настоящего и будущего в опыте собственной «Я-концепции», иначе автобиографии. В. Подорога (1946—2020) приводит интерпретацию слова «автобиография»: во-первых, «переживать – это «био»; во-вторых, понимать – это «авто»; в-третьих, описывать – это «графия».

В этой связи, В. Дильтей (1833—1911) считает правильным сделать перестановку и говорить о «био-авто-графии», с позиции единства и последовательности трех аспектов – «переживание-понимание-выражение». Однако, понятие автобиография уже давно стало общепринятым. Что же представляет собой автобиография? Автобиография – это наше исконное право

на собственную версию жизни, открывающую сферу откровения, которая подвигает и других к признанию. Жизнь, записанную в автобиографии мы можем перечитывать, отслеживать, исправлять, улавливая «зазор» между жизнью, «которая состоялась» и «жизнью-проектом», которая задумывалась. В сущности, это в какой-то мере аналитическая работа с биографическим материалом, запечатленным в любых высказываниях о себе, будь то воспоминания, фантазии, фиксация собственного опыта, теоретизирование и пр. Между тем, «Я-концепция» – это результат уже глубокой синтетичной и структурированной научной работы.

По мнению многих исследователей, «Я-концепция», в отличие от традиционной автобиографии – это не столько анализ собственной актуальной биографии, сколько рефлексия над тем, как мы жили вне той жизни, которая получила знаки исторической объективности и ради чего мы жили. На мой взгляд, обязателен тот самый фон, ракурс, вехи, которые более четко «опредмечивают» в философском аспекте моменты жизни и деятельности.

С философской точки зрения, собственное частное свидетельство о себе – переживание – является первичным фактом «Я-концепции». Речь идет о возможности реанимации биографического времени, которое является не только временем историческим, но и психологическим, то есть связанным с «Я», с действительной психической и ментальной жизнью конкретного человека. При этом внешние эффекты биографии лишь побуждают внутреннее «Я» к воспоминаниям. В исследовании собственного внутреннего опыта в ракурсе «Я-концепции» важным является не «объективное» время реальных процессов, регистрируемых субъектом, а внутреннее «продолжение» самого индивида в слиянии с миром, «протекание» времени сквозь самого человека.

Что значит помнить себя – свое «Я»? Это не столько помнить всю свою жизнь во всех ее подробностях, сколько помнить определенные события жизни, которые удерживают детали прошлого. Скажем, в ракурсе процесса глобализации, смены научной рациональности, влияния технологических прорывов или глобального социально-гуманитарного и экономического коллапса и пр. По моему мнению, именно это вносит философский смысл в биографию, как форма отражения «Я-концепции».

Вспоминая прошлое, мы с каждым разом видим его по-новому, в сопряжении с меняющимся настоящим. В этом плане, у каждого должен быть свой архив, собственные архивные материалы. Это не только какие-то книги, свидетельства, дипломы, награды, но и факты, события, явления. Эти материальные и нематериальные знаки и символы нашего ближайшего прошлого постепенно составляют материал прижизненного архива, усиливая нашу волю к воспоминанию и позволяя нам наблюдать над собственными метаморфозами. «Я-концепция» может выступать и как предвосхищение смерти, но при жизни автора никогда не будет завершена. Отсюда вытекает и проблема момента – начала. Когда уместно начать писать автобиографические мемуары, исповеди, а также сконструировать собственную «Я-концепцию»? По прошествии какой части жизни? Естественно, у каждого свой порог готовности рассказывать о себе, о своем «Я». Санкцию дает внутренняя потребность – отразить в письме опыт, ничем не заменимый и глубоко экзистенциальный, отодвигая неизбежную границу, за которой – уже посмертное равнодушие.

Как известно, «Я-концепция», по сути, является уникальной формой отражения духовной жизни конкретного человека. Широко известные образцы такого жанра, как правило, создавались философами в период исторических революционных перемен в порядке осмысления острых идейных противоречий, глубоких социальных, духовных, культурных их последствий. Естественно, в такие исторические моменты, у философов доминировали стремления осмыслить свою жизнь, осознать становление своего характера и в этом процессе найти отражение важных социокультурных и духовно-нравственных проблем, поставленных эпохой, и вытекающих для современности уроков.

В «Я-концепции» или философском автопортрете нет ни начала, ни кульминации, ни развязки, ни конца. Так и у меня. На любом этапе у меня было беспокойство, дискомфорт, неуверенность, зажатость, раздражительность. Иногда казалось, что меня все бесит, нечем дышать, не хватает сердцебиений... чего-то не хватает! Я должен был понять, что произошло со мной, зачем были нужны крутые виражи в жизни, учебе, работе. К тому же я чувствовал необходимость как-то «оправдаться» перед самим собой, почему стал именно таким, а не таким. Почему? Зачем? Как? Мне было нужно подвести «основу» под самые непонятные даже самому себе поступки, нелогичные поведения. А таковые у меня были, которые оставляли в удручающем состоянии не только немалое количество людей из моего окружения, но и меня самого. Я не могу понять, как понял, как примирился, как с этим жил и работал?!

Я много думал, вновь и вновь возвращаясь в прошлое, которого уже не было, по долгу мечтал о будущем, которого еще не было. Затем они исчезали, растворялись в воздухе, и я снова оставался с убеждением, что нужно было бы осмотреться, понять, что к чему. При этом, чаще всего, мотивы, логические усилия, аргументы, которых я доставал из своего головного мозга, не казались мне весомыми, не откладывались во мне плотным осадком. Вокруг царило вечное засилье сомнений, вопрошаний. Все это послужило мне мотивом составить именно свою «Я-концепцию», а не мемуарный труд.

Как известно, существует особый жанр мемуарной литературы – литературный портрет, дающий художественную целостную характеристику реального человека в его индивидуально-неповторимом облике. В.С.Барахов (1927—2012) выделил четыре типологических его разновидности: во-первых, литературный портрет как жанр мемуарно-автобиографической литературы; во-вторых, литературный портрет как документально-биографическое повествование об умершем историческом деятеле, основанное на использовании документов; в-третьих, литературный портрет как жанр критики (творческий портрет); в-четвертых, литературный портрет как жанр научно-монографического исследования о творчестве деятеля литературы или искусства.

Что же представляет собой «Я-концепция?». Такой подход к жанру научно-литературного портрета на первый взгляд кажется неправомерным, так как, с одной стороны, отображает целостную характеристику личности философа, с другой стороны, представляет собой не что иное, как научно-монографическое исследование автобиографии. «Я-концепция» носит очерковый научно-мемуарный стиль, так как композиция его бессюжетна, мозаична, а текст четко не структурирован. Здесь и многообразие конкретных фактов, событий, образов, личностей, разбросанных в тексте по годам, а также социально-житейским, научно-творческим, психологическим, философским доминантам.

В своей «Я-концепции» или иначе философском автопортрете, я синтетически обобщил знания о себе, включая биографию, произведения, а также отношение к нему современников. Отбор фактов и деталей осуществлял в соответствии с моей концепцией о себе, своем «Я». Как известно жанр «Я-концепция», как правило, обладает специфической внутренней структурой, которая строится не на динамическом развитии связанных друг с другом фактов и событий, а на отображении их связи с ключевыми факторами, определившими развитие личности. Кстати, такой подход позволил и мне не придерживаться хронологической последовательности в изложении событий своей жизнедеятельности. В этом аспекте, даже наличие в «Я-концепции» (автопортрете) повествовательного начала имеет главной целью не информацию, не отображение известных сведений о себе, а построение его творческого, философского «Я-образа», за которым угадывается мир своей личности, жизни, биографии, преломленная через призму индивидуального восприятия коренных, ключевых, поворотных моментов периода своей жизни и деятельности.

Таким образом, «Я-концепция», по сути, бессюжетна, мозаична, тяготеет к циклизации, имеет свободную композицию, основанная на чередовании авторской описательной речи,

разъяснений, воспоминаний, размышлений, обобщений, отступлений, ссылок на источники. Подобный научно-автопортретно-исповедальный жанр наиболее подходит к характеристике ученых и философов. По моему мнению, «Я-концепция (философский автопортрет) отвечает глубинным потребностям человеческого духа в самоорганизации своего внутреннего опыта и в самоочищении своего внутреннего «Я». Так или иначе, жанр обнаруживает две важные функциональные ориентации в плане передачи духовного опыта: во-первых, самопознание, а, во-вторых, самовыражение.

К чему создание «Я-концепции?». Исследования показывают, что в качестве основных мотивов написания своего «текст жизни» у философов и мыслителей можно выделить: во-первых, самопознание; во-вторых, саморепрезентация; в-третьих, самовыражение; в-четвертых, желании оставить память о себе. Согласно Дж. Мэйсону (1725—1792), «самопознание есть такое знакомство с самим собою, которое показывает, кто мы и что делаем и чем должны быть и что делать, чтоб сделаться благополучными и полезными в этой жизни...».

Штейнер Р. (1869—1925) пишет: «Мысленно постичь „Я“ – значит заложить фундамент, чтобы основать все, что происходит из „Я“, исключительно на самом же „Я“. Понимающее само себя „Я“ не может зависеть ни от чего иного, кроме себя. И ему не перед кем отвечать, кроме как перед самим собой». Р. Дж. Коллингвуд (1889—1943) считает, что познание самого себя включает несколько аспектов: во-первых, познание сущности человека вообще; во-вторых, познание типа человека, к которому «Я» принадлежит человек; в-третьих, познание того, чем являетесь именно «Я», и что в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в прошлых действиях.

Некоторые современные исследователи отрицают возможность процесса самопознания. У.С.Вильданов (2012) считает, что концепция самопознания может и быть, но самопознания самого познающего нет. Согласно этой концепции, получается, что я всегда являюсь «знающим», который не может быть сведен к объекту, то есть к «познаваемому». Если думаю, что я, как «познающий», могу познать самого себя, то тот, кого я познаю, не будет им самим, так как это буду снова я, кто является «познающим».

М.М.Бахтин (1895—1975) писал: «Выразить самого себя – это значит сделать себя объектом для другого или для себя самого». Получается, когда я, как познающий думаю, что познаю (излагаю) себя самого (в тексте) – это только и показывает, что я всегда остаюсь «познающим» (излагающим). Возникает вопрос: раз я являюсь «познающим», то каким образом могу познать самого себя, как «познающего» в качестве «познаваемого»? Следовательно, я, как «познающий» не могу свести себя к объекту, то есть к «познаваемому». Другое дело, когда этот самый «познающий» является ученым-философом, который имеет потенциал определить свою исследовательскую стратегию «Я-концепции».

Анализ показывает, что именно идеи самопознания выступают высшей целью философских автобиографий. А.Н.Бердяев (1874—1948) трактует самопознание, как потребность понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу. По автору, «Я-концепция» выступает странством ментального самопознания. В этом аспекте, И.Л.Сиротина (2017) считает, что, если западный мыслитель реконструирует в своей «Я-концепции» свой внешний и внутренний мир с целью познать себя, то «...российский интеллигент берется за написание истории своей жизни чтобы разобраться не столько в себе, сколько в своем времени, своей культуре, судьбе России, наконец».

Таким образом, «Я-концепция», как философский эго-текст отдельного мыслителя, есть акт, индивидуальный проект самопознания, предполагающий познание «Я» в его специфике, условиях и способах реакции, характерных для него, предрасположениях и способностях, ошибках и слабостях, силах и границах собственной личности.

Нужно отметить, что любая «Я-концепция» репрезентирует личность автора, его цели, намерения, искания, размышления, а также демонстрирует осуществление этих целей, намерений, реализацию его способностей. В «Я-концепции» мыслитель запечатлевает не только себя, подспудно он пишет и биографию своей эпохи, времени и пространства. С. Белхов (2020) пишет: «Как философ я склонен видеть за личной биографической ситуацией процессы, совершающиеся в культуре и обществе, отражением коих она и является».

Фактор духовности, заложенный в «Я-концепции», в большей степени связан с идеей образования, ибо в процессе чтения данных произведений мы не только пытаемся понять, постичь определенные истины, но также очерчиваем для себя путь к творчеству, к самостоятельному мышлению и самовоспитанию через призму жизненного опыта мыслителей. Такая проблема активизирует потребность личности самой сформулировать и вынести за пределы собственной субъективности индивидуальную душевную заботу, ее специфический тренд и интонацию посредством «Я-концепции».

Очевидно, объективируя себя в тексте «Я-концепции», я получаю возможность подлинно диалогического отношения к себе самому. Я выступаю со своими собственными словами, мыслями, суждениями, которые хотят быть услышанными и понятыми, прежде всего, в мое время и в моем пространстве. В любом случае с помощью перечисленных моделей построения повествования о себе осуществляется мое самовыражение, как автора «Я-концепции». Это было моим осознанным желанием, а желание оставить хоть какую-нибудь память о себе вполне можно рассматривать как мотив создания «Я-концепции». При всей панорамности побуждений многих авторов «Я-концепции», в том числе в виде философской автобиографии, в них содержится нечто общее, что позволяет говорить о единстве целевого назначения «Я-концепции» – стремлении личности оставить свой «след» для современников и потомков опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в этом мире.

Что касается себя и базовой теоретической части «Я-концепции». Естественно, никаких особых способностей во мне нет, но я жил обыкновенной жизнью, хорошо учился, добросовестно трудился, как мог работал над собой, отличался честностью, ценил в людях искренность. Разумеется, как закомплексованный человек бывал наивным и беспомощным, не стеснялся своей бедности, часто разочаровывался в жизни. Тем не менее, всю жизнь старался быть полезным, востребованным в работе. Знал и то, что люди, пользуясь моей добротой эксплуатировали меня. Однако, зачастую сам, как говорится, «обманываться был рад», соглашаясь с навязанными мнениями лишь бы не обидеть человека. Самое главное, я окончательно и бесповоротно признал и принял как свое – комплекс неполноценности. С одной стороны, я возненавидел его, так как он усложнял мою жизнь и работу, а с другой – был признателен ему за то, что толкала меня вперед к успеху, признанию, почету.

Что касается теории общего фона, то есть ракурса моей «Я-концепции», то это, прежде всего, процессы глобализации. Зажженный бикфордов шнур этой самой глобализации начал догорать, а затем на рубеже XX-XXI вв. раздался оглушительный правовой, научный, информационный, политический, экологический, культурный, экономический, технологический взрыв. С той поры глобализация превратилась в доминирующую тенденцию мирового развития, а с течением времени все заметнее начали проявляться некоторые негативные последствия этого процесса. Так или иначе половину жизни я прожил в условиях планомерного научно-технического прогресса (конец девяностых годов XX в.), а другую половину (два десятилетия XXI в.) в условиях нарастающего диктата законов глобализации с ее научно-технологическим прорывом плюс глобальными экономическими кризисами. Одним из них является закон унификации этничности с детерминированной тенденцией к гомогенизации, постепенной девальвации этнонациональных ценностей и традиций, трансформации и «деконструирования» сопротивляющейся этничности со всеми институтами правовой, социально-политической и нравственной самозащиты.

Доказано, что грубая трансплантация норм в систему терминальных ценностей этнического оказывается чрезвычайно болезненной и деморализующим образом действует на людей, порождая когнитивный диссонанс и массовую фрустрацию, чувство личной и коллективной беспомощности и апатии. Существует древняя китайская поговорка «Проклятье пережить эпоху перемен». Новая агентура глобализации подгоняет весь окружающий мир под свое собственное измерение, стремясь аккумулировать, усиливать и обогащать свои экономические, политико-правовые властные полномочия.

Мое поколение – дети пятидесятых XX в. пережили эпоху глобальных перемен: во-первых, в глобальной сфере (наступление эпохи сближения естественно-научной и гуманитарной культуры, приоритезация проблемы Человека и выживания человечества); во-вторых, в социально-психологической сфере (трансформация в стране социалистического строя в капиталистический со всеми кардинальными последствиями, распад великой империи под названием «СССР» со всеми концептуальными последствиями, в том числе получение независимости Кыргызстана со всем сложнейшими последствиями); в-третьих, в научной сфере (смена парадигм классической, неклассической и постнеклассической науки, осмысление квантовой механики и мышления).

Однако, самым важным обстоятельством была все-таки глобализация. Между тем, общеизвестно, что в такой социокультурной дезориентации обязательно изменяются теоретические конструкты «Я-концепции»: во-первых, индивидуальное этническое «Я» «переструктурируется», наталкивается на тенденцию к абстрактности и растворяемости в глобальном «Я»; во-вторых, происходит игнорирование неповторимости и оригинальности этнического «Я». Именно такой негатив я сполна испытал в своей жизнедеятельности, что естественно отразился в моей «Я-концепции».

Все вышеприведенные исторические перемены нашей эпохи, в особенности на рубеже XX – XXI вв., безусловно, должны были бы обязательно отразиться на меня, а отсюда то, что мною обязательно должно было бы выработана особая форма и стиль моей «Я-концепции». В настоящем, мною предпринята попытка использовать форму «Я-концепции» в виде социально-психологической и научно-философской автобиографии, которая, как мне кажется, во-первых, больше соответствует для нашей эпохи, а точнее рубежу XX – XXI вв. с его социально-психологическими аспектами, сменой классической научной рациональности, вначале на неклассическую, а затем на постнеклассическую, а, во-вторых, больше соответствует моему опыту мировосприятия. Предлагаемая форма, конечно же, отличается от уже ставшими классическими, образцов философской автобиографии: Н.А.Бердяев «Самопознание»; М. Монтень (1533—1592) «Опыты», воплотившие в себе всю противоречивость и сложность переходного периода от Возрождения к Новому времени (М. Монтень) и от Царской России к Социалистическому государству (Н.А.Бердяев) и раскрывающие неисчерпаемый потенциал философского творчества.

На рубеже XX – XXI вв. на первый план выходит диалог и сближение двух культур – естественно-научной и гуманитарной. Наконец-то проблема Человека, личности, общества, становится главной. Понимание себя исходит из понимания законов мироздания. Множество открытий и достижений открывают человеку огромные возможности для познания и исследования, демонстрируют способности человеческого разума, новое мышление формирует новое общечеловеческое мировоззрение, а вместе с тем утверждает новые ценности и идеалы. Помимо этого начинается формирование нового мироощущения эсхатологического порядка. Заостряется проблема выживания всего человечества, активизируется процесс осмысления и борьбы с общемировыми угрозами и современными вызовами. В той иной мере все мои труды посвящаются вопросам указанных проблем, чем я, безусловно, как ученый горжусь.

Есть примечательные философские автобиографии: «Исповедь» Блаженного Августина; «Новая жизнь» Данте; «Самопознания» Н. Бердяева; «Автобиографические заметки» отца

Сергия Булгакова; «Бывшее и несбывшееся» Федора Степуна; «Воспоминания» Ев. Трубецкого; «Узнай себя» Бибикина; «Казус Vita Nova» В. Мартынова; «Дневники» отца А. Шмемана; «Автобиография» Честертона; «Настигнут радостью» Льюиса. Если М. Монтень, потрясенный событиями Варфоломеевской ночи начал писать свои «Опыты», если Н.А.Бердяев, потрясенный постреволюционными реформами и высылкой его из России начал писать «Самопознание», то я засел за книгу «Моя тень» после осмысления глобализационных процессов и исторических переломов в системах науки, образования, медицины.

Осознание всего того, что произошло со мной в рамках судьбоносных перипетий в мире и в нашей стране, я попытался отразить в раздумьях, размышлениях по поводу пережитого. Это и привело меня к созданию «Я-концепции». Продолжая свою мысль о времени и пространстве «Я-концепции», хотелось бы заметить, что в последние годы в мире самым распространенным трендом является «всеобщая цифровизация». Да! Действительно, одним из кардинальных перемен в современной жизни является трансформация времени – из социалистической фармации в «гиперреальный» порядок медийного капитализма, когда, как говорил Ж. Бодрийяр (1929—2007), осуществляется «подмена реального знаком реального» [Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция, 1981]. Между тем, именно такая подмена вызывает у человека ностальгию и томление по «истине» и аутентичности. В условиях этой гиперреальности, людей оценивают по степени их участия в потоке медийных сообщений. «Тот, кто недостаточно представлен в массмедиа или не подвержен их слиянию, считается маргинальной или практически асоциальной личностью», – писал он.

По словам М. Маклюэна (1911—1980) «Мы живем в дивном новом мире сиюминутности. „Время“ перестало существовать, „пространство“ исчезло. Теперь мы живем в глобальной деревне». В этих условиях «Система электронных коммуникаций распространяет на Западе восточный образ мыслей. Замкнутость, отдельность, индивидуальность – наше западное наследие – заменяется текучестью, целостностью и синтезом», – пишет он. По мере того как в игру вступают новые технологии, люди все меньше верят в ценность самовыражения. Командная работа приходит на смену усилиям одиночек. В то же время, наша личность не всегда выставленная напоказ, то возникает вопрос: существует ли она? Н.Н.Тaleb (2007) создал целую теорию причинности. «Черным лебедем» этот современный философ называет событие, которое происходит вопреки всем ожиданиям и оказывает чрезвычайно сильное влияние не только на историю, но и на личность [Тaleb Н. Черный лебедь, 2007].

Вот таким «черным лебедем» оказалась «всеобщая цифровизация» мира. Именно эффект «черных лебедей» усиливается в мире, вызывая усложнение мира, в котором мы живем. Все люди мира занимаются мысленным «туннелированием» будущего, зачастую сбиваясь с курса, ошибаясь в программах, заблуждаясь в прогнозах. Между тем, если мы хотим чего-нибудь достигнуть в этом мире, нам следует учитывать эти факторы. С. Жижек (2010) назвал четырех «Всадников Апокалипсиса»: первый – это экологический кризис; второй – биогенетическая революция; третий – борьба за сырье и ресурсы; четвертый – взрывной рост социального неравенства» [Жижек С. Жизнь в конце времени, 2010].

Теперь вернемся к проблеме формирования «Я-концепции». Нужно отметить, что теория А. Адлера о комплексе недостаточности человека, имеет важное значение для философии, так как признает человека создателем и хозяином своей души, пронизана верой в его способность к преодолению препятствий, а также касается ряда философских феноменов и категорий – сознание, познание, идеалы, смыслы, ценности. Чувство неполноценности означает чувствовать себя «хуже других» и это чувство служит индивиду мотивацией к преодолению. «В уме каждого человека существует концепция цели или идеала, к которым следует стремиться из настоящего состояния [неполноценности], преодолевая существующие недостатки и трудности с помощью постановки конкретных целей на будущее... Без ощущения цели всякая деятельность индивида лишается смысла», – пишет автор.

Для интерпретации теории комплекса неполноценности используются следующие философские взгляды: во-первых, холистическая (в противовес редукционистской); во-вторых, феноменологическая (акцент делается на субъективной, личной точке зрения каждого индивида); в-третьих, телеологическая (фокусирование на движении, а не на влиянии прошлого); в-четвертых, связанная с теорией поля (фокусирование на самом индивиде и поле его деятельности); в-пятых, социально ориентированная (отношение к человеку как к социальному существу, живущему в мире других таких же существ).

А. Адлер (1870—1937) пишет: «Стремление к превосходству, стоящее за всеми достижениями человечества, лежит в основе всех вкладов в нашу культуру. Вся жизнь человека движется в этом направлении – снизу вверх, от минуса к плюсу, от несовершенства к победе» [Адлер А. Стремление к превосходству, 2017]. Жизненный стиль, или стиль жизни, как его часто называют, является важнейшей организующей концепцией. Он включает ориентирующую цель индивида, представления о себе, представления о других, о мире в целом, а также этические убеждения индивида. «Чтобы заглянуть в будущее человека, необходимо понять его жизненный стиль», – писал автор. Социальный интерес является самой характерной авторской концепцией и означает «умение видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого человека». Социальный интерес является критерием психического здоровья, если человек проявляет этот интерес, то он психически здоров, а когда нет такого интереса, то он психопат.

Согласно психологической науке, семейная атмосфера связана с типом домашней обстановки, которую родитель или родители создают для своих детей (отвергающая, авторитарная, непоследовательная, гиперопека, конкуренция), когда семейная констелляция означает не столько состав и условия семьи, сколько место в ней ребенка. «На характер ребенка, безусловно, оказывает влияние не порядковый номер рождения, а ситуация, в которой он родился и способ его интерпретации этой ситуации», – пишет А. Адлер (1870—1937). – «Вряд ли стоит удивляться, если на фоне комплекса неполноценности обнаруживается более или менее скрытый комплекс превосходства».

По автору, комплекс неполноценности и комплекс превосходства являются взаимно дополнительными силами [Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии, 2015]. Вследствие выраженного чувства неполноценности возникают поведенческие, аффективные и связанные с мышлением проявления превосходства (презрение, тщеславие, тирания, ворчание, унижение других, гнев, громогласность, невнимание к окружающим, высокомерие, снобизм).

На основании этих концепций высказывается двенадцать основных допущений адлеровской теории: во-первых, в основе всей человеческой деятельности лежит стремление: от субъективно неблагоприятной ситуации к субъективно благоприятной; от чувства неполноценности к чувству превосходства; во-вторых, стремление обретает свое специфическое направление от индивидуальной уникальной цели или от идеального «Я»; в-третьих, цель видится индивиду «словно в тумане», то есть в значительной мере им не осознается; в-четвертых, цель становится главной причиной, независимой переменной; в-пятых, все психологические процессы формируют самосогласующуюся структуру личности – жизненный стиль; в-шестых, различные влечения или контраст между сознательным и бессознательным, есть лишь аспекты единой системы отношений; в-седьмых, все объективные предпосылки, такие как биологические факторы и личная история, становятся относительными к идее цели – основному организующему началу; в-восьмых, представления индивида о себе и мире, его «апперцептивная схема» и интерпретации как аспекты жизненного стиля оказывают влияние на все психологические процессы; в-девятых, каждый из нас есть часть социального контекста, понимание индивида возможно лишь с учетом социального контекста, в котором он находится; в-десятых, все важные жизненные проблемы, включая удовлетворение определенных влечений,

становятся социальными проблемами; в-одиннадцатых, социализация индивида не достигается за счет подавления, ее условием является внутренняя человеческая способность, которую, однако, требуется развить; в-двенадцатых, нарушение адаптации характеризуется преувеличенным чувством неполноценности, неразвитым социальным интересом и чрезмерно выраженной целью достижения личного превосходства в сочетании с нежеланием сотрудничать.

Для понимания сути «Я-концепции» исключительно важно понимание сущностей основных положений А. Адлера (1870—1937), касающийся природы человека: во-первых, в аспекте «свобода / детерминизм». Личность каждого индивидуума является его собственным творением. Концепция творческого «Я» является воплощением положения свободы [Адлер А. Индивидуальная психология, 2017]. Творческая сила человека играет в конечном счете жизненно важную роль в создании определяющей фиктивной цели и ее результата – стиля жизни. Стил жизни находится под влиянием фиктивной жизненной цели, в создании которой принимают участие растущие творческие силы индивидуума; во-вторых, в ракурсе «рациональность / иррациональность». Творческая сила дает людям возможность формировать цели, принимать решения и выстраивать различные жизненные планы, сопоставимые с целями и ценностями. В основе своей идея творческой силы требует признания рациональности; в-третьих, в контексте «холизм / элементаризм». Творческое «Я» – сила, благодаря которой в детстве формируется фиктивная цель. К реализации последней люди стремятся на протяжении всей жизни. Благодаря индивидуально-уникальной цели, этому направляющему принципу, личность достигает своей максимальной целостности; в-четвертых, в аспекте «конституционализм / инвайронментализм». Наследственность и окружение следует признать, как факторы, вносящие свой вклад в формирование склада личности, но влияние творческого «Я» намного превосходит действие этих сил. В индивидуальной психологии имеет значение не то, чем человек наделен от рождения (конституция) или с чем он сталкивается в жизни (окружение), но то, как он распоряжается тем и другим; в-пятых, в ракурсе «изменяемость / неизменность». Основы стиля жизни закладываются в ранних ощущениях собственной неполноценности и в компенсации. Именно благодаря стилю жизни люди до конца своих дней борются за превосходство и постоянно стремятся к достижению фиктивных целей, сформированных в раннем детстве; в-шестых, в аспекте «субъективность / объективность». Объективная позиция ребенка в семье не имеет такого значения для формирования структуры личности, как субъективный смысл, который ребенок вкладывает в ситуацию, создавшуюся в связи с порядковым номером его рождения. Стил жизни целиком основан на неотступном следовании индивидуума субъективной фиктивной цели; в-седьмых, в ракурсе «проактивность / реактивность». Существует только одна динамическая сила, лежащая в основе всей человеческой активности – поиск совершенства в жизни. Укоренившееся в субъективных переживаниях собственной неполноценности в младенчестве и в детстве, это вездесущее сильное желание направлено на достижение фиктивной цели, поставленной самим индивидуумом. Это стремления, созданные собственным «Я» и ориентированные в будущее; в-восьмых, в контексте «гомеостаз / гетеростаз». Людей побуждает к действиям необходимость снимать напряжение и сохранять состояние внутреннего равновесия. В этом бесконечном стремлении люди не снимают напряжения, они генерируют его для продолжения борьбы за достижение своих фиктивных целей. Гетеростаз – это постоянное стремление к превосходству и конечной фиктивной цели. Люди растут как личности в направлении, противоположном своим первоначальным склонностям и потенциям в той степени, в какой их стремление к превосходству, стил жизни и фиктивные цели коренятся в более раннем чувстве неполноценности; в-девятых, в ракурсе «познаваемость / непознаваемость». В жизни имеет значение не то, что абсолютно верно или может оказаться таковым, а то, что мы считаем абсолютно верным. Искать «абсолютную правду» о природе человека нет смысла. Но, тогда спрашивается – зачем городить огород? К чему философские рассуждения и дебаты?

Некогда Дж. Беркли (1685—1753) писал: «Философы поднимают пыль, а потом жалуются, что ничего не видно», а У. Джеймс говорил о том, что «философию создают философы – несовершенные люди, предлагающие свои варианты истины» [Джеймс У. Прагматизм, 1907]. Кто знает, возможно, что и я, создавая свою «Я-концепцию» лишь понимаю пыль и ищу свою версию истины. Между тем, чтобы не говорили о философии и философах, философия была и остается мышлением высокого уровня, по утверждению Ф. Ницше (1844—1900) «философия – это единственная настоящая «мета-дисциплина», рассматривающая любые вопросы в совокупности. Оксфордский словарь определяет философию, как «личное правило жизни» [Ницше Ф. За пределами добра и зла, 1886]. В этом смысле, «Я-концепция» и есть та самая система, рассматривающая личное правило жизни каждой личности. Одна из современных философов Х. Арендт (1958) полагает, что люди могут познать мир, но не могут познать самого себя [Арендт Х. Состояние человека, 1958]. Как можно «перепрыгнуть свою тень»? В полной мере это человека могут оценить лишь другие люди, – пишет она. Как бы не говорили о философии, Г.Ф.Гегель (1770—1831) писал: «Философия – это Наука с большой буквы, так как дает понимание абсолютного знания, которое существует независимо от любого другого знания» [Гегель Г. Феноменология духа, 1807].

При конструировании собственной «Я-концепции» основывался на теоретических принципах теории А. Адлера (1870—1937) [Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии, 2015]: во-первых, как и каждый закомплексованный человек, я также, начиная с детства и по сей день, испытывал чувство неполноценности, которое побуждало меня бороться за превосходство над окружающими, стремиться к совершенству; во-вторых, как и у закомплексованных людей, развитию моего комплекса неполноценности, способствовали врожденная застенчивость, стеснительность, малодушие; в-третьих, как и у закомплексованных людей, моя чрезмерная застенчивость, стеснительность, малодушие привело к формированию комплекса неполноценности; в-четвертых, как и всех закомплексованных людей комплекс неполноценности вызывало и у меня стремление к его гиперкомпенсации и как следствие породили отдельные определили мой жизненный стиль, с особыми способами постановки и реализации достижения жизненных целей; в-пятых, как и у всех закомплексованных людей целостность моей личности целиком зависело от моих побуждений и устремлений; в-шестых, как и у закомплексованных людей, я следовал непрерывному росту и развитию в направлении личностно значимых целей, которые определяют мою судьбу; в-седьмых, как у закомплексованных людей, мои личностные достижения и рост обусловлены по большей части не наследственностью и особенностей среды, сколько моим творческим запалом; в-восьмых, как и у закомплексованных людей имел естественное чувство общности или социальный интерес, которая, к сожалению, не получило во мне большого развития; в-девярых, как и у закомплексованных людей, моя творческая возможность (восприятие, память, воображение, фантазию и мечты) определила стиль жизни и жизненные цели; в-десятих, как и у закомплексованных людей, мое поведение определялось собственными представлениями о себе и об окружающем мире; в-одиннадцатых, как и у закомплексованных людей моя жизненная цель носил защитный характер и служил мостом между безрадостным настоящим и многообещающим будущим; в-двенадцатых, как и у закомплексованных людей мое поведение было подчинено намеченным мною целям.

Базисом моего обобщения послужили именно совокупность следующих контекстов: мотивационных, теоретических, причинных, социальных, компенсационных, профессиональных, творческих, философских, литературно-философских, логико-философских в совокупности. Именно этот базис объясняет конечную конфигурацию «Я-концепции». Хотелось бы отметить, что в своих философских, научно-литературных и научно-фантастических произведениях я допускаю большой интервал абстракции, что естественно расширяет перспективу видения того или иного объекта, явления. В частности, при мифологическом абстрагировании – вначале сконструировав миф, определив его структуру и пределы, затем проведя про-

цесс деконструкции мифа, на этой основе сконструировав уже неомиф. Для научной верификации мифа и неомифа провел процедуры символизации, семантизации, концептуализации, философизации и сакрализации. Естественно, при таком подходе интервал абстракции увеличивается.

В моих произведениях очень часто я использую так называемое когнитивное общение – как диалог между «Я» и «не Я». В этом случае научное мышление выступает как свернутый диалог и часто имеет форму монолога. Мой когнитивный стиль заключается в использовании как научного мышления в целом, так и вненаучных способов познания: художественное, мифологическое, атеистическое мышление. Такой стиль мышления выигрывает перед индивидуальным стилем научного мышления, так как рассматривает объект размышления в более широком контексте, а между тем, это объективность, глубина и широта познания.

«Я-концепция» представляет меня как ученого-постнеклассика. Как известно, предметом постнеклассической науки являются сверхсложные и эволюционные системы. Лидерами постнеклассики становятся биология, экология, глобалистика, философия, науки о человеке. Постнеклассическая наука во многом изменила философские основания многих наук. Принципы онтологии этой науки – системность, нелинейность, эволюционизм, антропологизм, концептуализм, проблемность. Постнеклассическая наука здорово поменяла категориальную апперцепцию – сетку категорий предшествующего типа научного познания, сквозь призму которого в науке воспринимается любое вновь познаваемое содержимое.

Мои труды, включенные в серию «Мир/АнтиМир»: «Жизнь/АнтиЖизнь» (2020); «Смерть/АнтиСмерть» (2020); «Сфера/АнтиСфера» (2020) представлены кентавровые знания, как специфическая форма научного познанию, представляющая собой единство качественно разнородных, противоречащих элементов научного знания. К примеру, кентавристику представляют понятия «робо-хирург», «сеть-мен», которые должны рассматриваться в более широком гносеологическом контексте. Я часто пользуюсь технологией концептуальной развертки – отображение одного и того же исходного объекта познания в различных мысленных плоскостях и соответственно нахождение для него множества интервалом абстракции. Противоположной технологией является концептуальная сборка – представление объекта в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и переходов.

Нужно понимание того, что творческое мышление регулируется не логическими мышлениями, а психологическими методами и закономерностями. Вот почему во избежание шаблонного мышления я кочую «взад-перед» из научного в мифологический, а оттуда в философский и, наоборот. Современная психология науки настаивает на том, чтобы «рабочий язык» творческого мышления – образы, метафоры, аналогии, лишь способствуют всесторонности охвата познавательного мышления. Преимущество изданий в виде серий заключается в том, что именно такой подход способствует кумулятивизму – истолкование процесса научного познания как состоящая только в последовательном накоплении все новых и новых истин путем совершенствования методов познания. Иначе говоря, научное познание движется от одной истины к другой, от менее общих истин к более общим, от менее фундаментальных теорий к более фундаментальным, от относительной истины к абсолютной.

В моих произведениях я придерживаюсь «принцип предосторожности» – принципа, применяемого при оценке новых технологий перед тем, как дается разрешение на их применение. При возникновении разумных сомнений в безопасности, должны быть представлены убедительные, осмысленные аргументы в пользу безопасности. Во всех своих произведениях я выступаю с позиции «анти-технологического императива», то есть против суждения, в соответствии которого все то, что становится технически осуществим, неизбежно будет реализовано. Полагаю, что во всех случаях разработки новых и сверхновых технологий в медицинской сфере нужно провести «этическую экспертизу» – предваряющее исследование на предмет выявления рисков факторов. Возможно, у меня есть то самое «продуктивное воображение» – способ-

ность сознания к когнитивному творчеству, способность комбинирования различных образов, как чувственных, так и мысленных. Без должной пролиферации и разнообразия самых, казалось бы, невероятных теорий, говорит о возможном прогрессе в развитии научного знания не возможно.

Многие научные направления мною разрабатывались с позиции телеологии – способ понимания и объяснения явлений объективного мира и человеческой деятельности, при котором важное место отводится понятиям цели, смысла, значения. Медицину, я рассматриваю как систему. С позиции принципа системности можно экстраполировать на нее общие системные закономерности. Аттрактором системы медицины, на мой взгляд, должна быть система: «цель» – «средство» – «результат». Если изменится «цель» меняет «средство» и «результат», когда меняется «средство», то меняется «цель» и «результат», а когда меняется «результат» сменяется и «цель» и «средство». Все эти принципы и положения послужили теоретической базой «Я-концепции». На этой основе я приступил к освещению причинных контекстов «Я-концепции».

Глава 3

«Я-концепция»: факторные контексты

В данной главе изложены факторные контексты главенствующего элемента «Я-концепции» – комплекса неполноценности. С учетом того, что данная глава является постановочной для всей книги, то хотелось бы подчеркнуть, что попытка изучения сущности и основных составляющих комплекса неполноценности собственной личности, характера формирования последнего, безусловно, является интересной научной задачей. Исследовательская стратегия построения собственной научно-мемуарной монографии заключается в следующем: с одной стороны, исследование взаимосвязи своей природной застенчивости, как предопыта собственного чувства неполноценности и самого комплекса неполноценности (Глава III), а с другой, исследование взаимосвязи комплекса неполноценности и комплекса личностного достижения в целях компенсации этой самой неполноценности (Глава IV).

Следуя вышеуказанной логике сначала нужно было, во-первых, распознать и признать в себя комплекс неполноценности, безо всяких там предубеждений и условностей, а, во-вторых, уже дать оценку самому себе в ракурсе собственной социальности, стиля жизни, целеполагания, выбора конкретных действий, решений, поступков. Причем, как это подчеркивалось в главах I – II, сообразно определенного фона или ракурса кардинально переломных моментов времени, жизни, учебы, работы, творчества. Считаю это важным, прежде всего, в порядке педагогики другим, понимая, что кто-то, когда-то обязательно откроет в себе чувство глубокой разочарованности, усталости, раздражения от мыслей, что он не жил, а чему-то служил. А служил он, оказывается, как ни странно, своему родному комплексу неполноценности. Такого признание и предубеждение человека, понимающего свою закомплексованность как негативное жизненное клеймо. Среди ученых бывает «искренне заблуждающейся» ученые, среди ученых могут быть искусственно-взвинченные авторитеты, но среди ученых есть и те, кто всю свою жизнь ищут самое-самое опасное для человечества – это скрытую истину. По Сократу (469—399 до н.э.), у каждого из нас есть помощник – даймон (дух-хранитель, подсознание, внутренний голос), который подсказывает именно такую истину. В моем понимании, комплекс неполноценности и есть тот самый даймон.

В жизни про человека робкого, мнительного с явным уходом в себя, говорят, что он страдает комплексом недостаточности. Такой человек слишком преувеличивает свое несовершенство, переживает его остро и глубоко, что отрицательно влияет на формирование его жизненного стиля и социализации личности, бесспорно, отражается на самочувствии и поведении. Я, как человек, страдающий чрезмерной застенчивостью, осознаю тот факт, что, действительно, жил и работал, постоянно находясь во власти предосторожности и нереальных целей, обусловленных тем самым комплексом неполноценности. Признаюсь, что всю свою жизнь бесконечно завидовал людям без комплексов, уверенно шагающим по жизни, не скованным разными условностями, умеющим быть открытыми, контактными, добивающихся в жизни реальных целей и задач.

Прав актер и режиссер К. Лейт (2011), который писал, что «застенчивые идут по жизни как люди, страдающие частичной глухотой. Между ними и более счастливым миром будто бы возникла прозрачная стена». Меня с полным основанием можно причислить в разряд хронически застенчивых людей, смотрящих на мир сквозь темные очки. Нужно отметить, что это более выраженная степень застенчивости, чем у ситуативно застенчивых людей. Как человек робкий, постоянно стесняясь своего жизненного клейма, много и часто размышлял над различными версиями природы застенчивости.

Оказывается, эволюционисты считают, что застенчивость от природы и передается по наследству, тогда как бихевиористы полагают, что застенчивым людям просто недостает социальных навыков, необходимых для полноценного общения с другими людьми. Я в чем-

то согласен с эволюционистами и считаю неправильной версию бихевиористов. Полагая, что, если бы только дело касалось бы навыков общения, то это было бы полбеды. Для меня с детства было характерно стремление оградить пространство своей личности, свой внутренний мир от постороннего вмешательства. Тем не менее, меня никогда не покидало чувство того, что я, как будто бы живу для других. Меня всегда смущали ситуации, в которых ко мне привлекалось внимание, когда я должен был что-то сказать, сообщить, доложить. В таких обстоятельства я терялся, стремился уйти в себя, раствориться среди других, стать незаметным.

Психоаналитики утверждают, что застенчивость – это не что иное, как симптом, как выражение на сознательном уровне бушующих в подсознании глубинных психических противоречий, а социологи и социопсихологи считают, что застенчивость – это проявление и, одновременно, следствие социофобии. Я солидарен и с теми и с другими. Вот и для меня лично, любое, более или менее продолжительное общение с людьми является самым настоящим стрессом, как симптомокомплекс той самой социальной фобии. Я часто не переношу, когда мне задают внезапные вопросы, требующие сиюминутного ответа. Как правило, у меня сразу возникает тревожное состояние – не то испуг, не то какая-то прострация и потеря дара речи. Потому, попытка моя дать экспромт-ответ, как правило, всегда была и остается по сей день сумбурной – я начинаю путать слова, мысли, а в итоге зачастую оказывался в нелепом положении. Бывали и случаи, когда оставался в гнетущей тишине удивления и непонимания. Подобные моменты в молодые годы происходили достаточно регулярно, повергая в ужас и трепет мое воображение.

Нужно отметить, что все вышеприведенные версии эволюционного преимущества застенчивости, а далее и комплекса неполноценности имеют свои доводы и основания. О том, что именно недостаточная социализации личности составляют основную причину формирования комплекса неполноценности указывают все исследователи сферы психики. По их мнению, что хотелось бы подчеркнуть, застенчивость – это пожизненное клеймо в жизни человека и далеко не безобидное психическое ощущение. В частности, психолог Ф. Зимбардо (2012) пишет: «Застенчивые люди заключают себя в тюрьму молчания, где они сами себе становятся надзирателями, безотчетно вводя суровые ограничения на свою речь и поведение». Автор полагает, что в мире существует категория людей, у которых застенчивость обозначилась болезнью под названием «социальное тревожное расстройство».

По мнению психолога К. Лейна (2007), именно эта мысль была частью более общего биомедицинского поворота в клинической психиатрии. Понимая, что застенчивость всегда врожденная, хотелось бы пофантазировать на тему предощущения человека, у которого, в жизни проявились те самые причинно-факторные обстоятельства появления чувства, а затем и комплекса недостаточности. Возможно ли представить, что застенчивый ребенок в момент своего рождения уже почувствовал чуждость и враждебность мира. Понимая, что многое в человеке зависят от генов и среды, в которой он оказался помимо своей воли, мы имеем смутное представление о силе их влияния. Именно это подразумевал философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр (1905—1980), когда говорил, что «мы брошены в этот мир» [Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто, 1943].

Так-вот, родившись, судьба такого человека сложится так, что чуждым ему придется чувствовать этот мир на протяжении всей жизни. Такой человек представляет собой с рождения замкнутым целиком на себя, страдающим от различных депрессивных маний и многочисленных параноидальных комплексов, настроенным крайне враждебно по отношению к внешнему миру, вечно предающимся самосозерцанию, стремясь отыскать смысл жизни в глубинах собственного «Я». Так или иначе, велика вероятность, что такой застенчивый с рождения, человек, выпадая из реальности получит комплект из серьезных комплексов, которые в последствии могут стать его привычными спутниками, как айтматовское «кассандрова тавро». Вероятно, именно такая версия судьбы ожидала и меня в жизни.

Итак, наверняка, предпосылки формирования у людей чувства, а затем и комплекса неполноценности, зависит от самой человеческой природы. Делая такое резюме, я, естественно задумывался, если застенчивость закладывается от рождения и передается по наследству, тогда в чем заключается ее эволюционное преимущество? Согласно теоретическим воззрениям ученых, застенчивость выполняет некоторые жизненно важные функции для личности: во-первых, она способствует мысленному «проигрыванию» трудных ситуаций, что приводит к усилению «Я» и уменьшению уязвимости личности; во-вторых, она усиливает самокритику, что способствует формированию более адекватной «Я-концепции».

То есть в попытках преодоления личной застенчивости, индивид начинает развивать свои способности, а между тем, это, оказывается, ключевым механизмом, обуславливающим эволюционную передачу застенчивости по наследственности. Я знаю по себе, что самым броским признаком застенчивого человека является чувство неловкости, причем, как перед людьми, так и перед самим собой. Если чувство неловкости на публике отражается в беспокойстве человека о произведенном на других впечатлении, то неловкость перед самим собой – это негативно окрашенный эгоцентризм: «я малодушный», «я недостойный», «я слабый» и пр.

Доказано, что застенчивость – это не безобидное свойство человека, так как имеет отрицательные последствия не только в социальном плане, но и негативно воздействует на мыслительные процессы самой личности. Я знаю это точно, по себе. Важно отметить, что застенчивость сопровождается временной неспособностью мыслить логично и эффективно, а потому у него нередко ощущение неудачи, поражения. Считают, что она убивает память, искажает восприятие. На мой взгляд, самое негативное – это то, что зачастую логика робкого человека не соответствует здравому смыслу. И это мне знакома не понаслышке. В этом аспекте, крайне застенчивый человек – это когда у человека уживаются два психологических типа – «стражника» и «узника» с соответствующими способами мышления. В этом отношении, насколько я себя помню, если и хотел сделать что-то, и знал, как это можно осуществить, но все равно подолгу не решался на действия. Кроме того, если признаться, у меня еще с детства были все признаки человека с пониженным самоуважением, а такие люди, как известно, ранимы и чувствительны ко всему, что затрагивает их самооценку.

Вот-так в человеке замыкается низкая самооценка и обидчивость на окружающих, которые дают соответствующую свою оценку моей личности. До сих пор, я, достаточно болезненно реагирую на замечания или критику, остро переживаю, если у меня что-то не получается в работе или окружающие обнаруживают во мне какой-то недостаток, какое-то упущение в моих поступках и поведении. Вот почему, я стараюсь выложиться, чтобы их у меня не было. В работе меня не нужно было подстегивать, это было излишне, так как, я сам старался сделать все как подобает, тем самым предвосхищая недовольства, раздражения, наказания. Весь этот процесс замкнулся в моем превращении в трудоголика.

Доказано, что таким, человек определенной категории, оказывается, становится не только из-за того, что у него нет хобби и личных увлечений, кроме работы, но и из-за того, что работа помогает ему уменьшить в себе чувство тревоги, депрессии, неудовлетворенности. Многим закомплексованным людям свойственна склонность к психической изоляции, к уходу от действительности в мир мечты. Чем ниже уровень самоуважения, тем вероятнее, что человек страдает от одиночества – это закономерность. Очевидно и то, что понижение самоуважения и коммуникативные трудности снижают и социальную активность личности. Вот-так замыкается патологический круг. В этом аспекте, считаю, что застенчивость для меня была и трагедией, и болезнью, и клеймом судьбы.

Так или иначе, застенчивость, как образно его описывают психологи, «это болевая точка человека, которая может проявлять себя все больше и больше, если на нее нажимают и нажимают». А как известно, таких обстоятельств в жизни множество. В итоге, застенчивость расправляется и оформляется в комплекс неполноценности, которая затем и постепенно подчи-

няет себе всю жизнедеятельность человека. Моя рабочая гипотеза заключается в том, что главными причинно-факторными составляющими моего чувства недостаточности выступили именно застенчивость, а далее по цепочке стеснительность, отстраненность и неуверенность перед лицом реальной жизни. Психологи считают, что запускающими факторами риска возникновения комплекса неполноценности являются застенчивость, мнительность, ранимость, впечатлительность с чрезмерной фиксацией на своих переживаниях, психологическая травма в виде дискриминации, унижения в социальной группе, а также негативный жизненный опыт, ошибки и неудачи.

Психологи утверждают, что причинами для возникновения этого комплекса у детей являются слишком строгий стиль воспитания или, наоборот, родительская гиперопека, а также социальное окружение ребенка с неадекватной негативной оценкой его личности. Логика такова, что у некоторых людей ощущение неполноценности под влиянием вышеперечисленных факторов может стать чрезмерным, комплексным, проявляемым в виде преувеличенного чувства собственной слабости и несостоятельности в жизни, дефицитом ощущения собственной значимости в мире. В этом аспекте, если честно признаться, у меня с детства было чувство неприспособленности, отсутствие способностей, связанных с ролью и значимостью в мире, как будто я жил в своем надуманном особом мире, никогда не сливаясь с окружающим миром, который мне всегда казался не моим.

Что касается того, чтобы строить планы на взрослую жизнь, я считал за невозможное, так как был совсем не уверен даже в завтрашнем дне. В этом отношении, моей отличительной чертой характера было постоянное сомнение, а это ничто иное, как самый страшный враг любого человека, так как именно из-за него я терял то, что мог бы получить, достичь, но, как оказывается, даже не попробовал, не приступал. Вот-так, я с детства и во все сроки взрослой жизни лелеял и носил с собой свой комплекс неполноценности, лелеял и возился, как со своей вечной тенью. Естественно, за это время выработал защитный механизм типа: «Да! Есть у меня комплекс неполноценности, но это комплекс неполноценности моего противника»; «Да! Действительно, когда-то, еще в детстве, я, встречаясь с уничижительными мнениями и отношениями окружающих и не найдя ответов признал себя каким-то неполноценным»; «Да! С течением времени, это у меня закрепилось, комплекс неполноценности стал моей вечной тенью»; «Да! Я в молодости понимал, что значит жить не так, как все, что мир гораздо больше того, который существует в моей голове, и мне его еще только предстояло увидеть»; «Да! У меня есть такой комплекс. Я из-за этого действительно страдаю и понимаю, однако, сделать с собой ничего не могу. Это не лечится, понимаете? Итак, я уже давно свыкся со своим комплексом, так, что «мой комплекс неполноценности – моя тень».

По утверждению психологов, в основе комплекса, как правило, лежат какие-либо сильные чувства обиды, стыда, вины в качестве систематического травмирующего фактора еще в детском возрасте. Уже потом, когда учился в мединституте понял, что еще в детском возрасте у меня были ряд предпосылок по формированию того самого чувства неполноценности, затем уже переросшего в комплекс. Наверняка, это было в раннем школьном возрасте. Ну, что я могу сказать о том возрасте? Начальная школа крошечного, в шестидесятых годах прошлого столетия, села Кулунду, что в Ляйлякском районе, кстати, самом отдаленном уголке страны, была малокомплектной – всего восемь учеников в одном помещении и одна учительница на все классы. С первого по четвертые классы учились по два ученика в каждом классе. Если мы – первоклашки зубрили алфавит, второклашки – читали по буквам, то ученики третьего и четвертого классов – уже вполне сносно читали, писали, делали кое-какие арифметические вычисления. Я им очень завидовал, а как же. Иметь навыки выполнять действия в уме, иметь способности целенаправленного восприятия, произвольного запоминания. Эти умения учеников меня удивляли, восхищали.

Помню, родители говорили, что до школы я был обычным мальчуганом, но вот, когда уже учился во втором классе, во мне произошли резкие перемены – стал застенчивым, неуверенным и даже пугливым. Наверняка, тому были веские причины и безусловные факторы. До сих пор помню, как мы – первоклашки, второклашки, панически боялись отвечать перед «общим» классом, ибо, любой наш лепет и ляпсус вызывали, мягко сказать, насмешку со стороны учеников «старших» классов. В такой уничижительной ситуации, разве можно говорить о формировании нормальной самооценки учеников на основе не только учительского оценивания, но и оценивания тех самых «старших» учеников.

Вот-так, как мне кажется, все началось еще с начальной школы с кыргызским языком обучения. Естественно, как утверждают детские психологи, каждый раз примерно одинаково переживаемых ребенком стрессов, приводит к формированию у них устойчивого аффективного комплекса – чувства неполноценности, унижения, оскорбленного самолюбия. Теперь я понимаю, безусловно, это был фактором снижения моей самооценки, который действовал на меня, по крайней мере, во все сроки обучения в начальной школе, способствуя появлению во мне не уверенности в себе, неверие в свои силы, а далее чувство неполноценности, фрустрации, снижения интереса к учению.

Были и другие факторы. Так сложилось, что наша семья, когда я заканчивал второй класс, переехала в райцентр, где не было кыргызской школы и мне пришлось идти в русскую школу. Похоже, уже там в начальной школе села Кулунду, я уже болел «школьным неврозом» и с таким «багажом» я пошел в следующие классы, но уже с русским языком обучения уже в райцентре Исфана. Как мне кажется, именно тот год для меня стал роковым в отношении закрепления и прогрессирования того самого «школьного невроза». Мне навсегда запомнился один злополучный случай. Это произошло во второй или в третий день моего пребывания в новом классе. Шел урок природоведения, каждый из нас был занят раскраской различных рисунков. Мне понадобилась стиральная резинка и я, обернувшись к однокласснику на задней парте, спросил, как мне по-русски попросить ее у своей соседки по парте. Ничего не подозревая я обратился к ней, сказав то, что мне шепнул он. Видели бы, какая случилась у нее истерика, вопли и рыданиями. У меня в голове сверкнула догадка – наверное, мой одноклассник подсказал мне совсем не то слово. А я..., а я сидел в оцепенении, теряясь в догадках о причине такой реакции моей соседки по парте. Сквозь плач моя одноклассница по парте рассказала все учительнице, а та – молодая, жутко строгая, начала беспощадно ругать и совестить меня перед всем классом, что якобы я попросил у нее вместо стиральной резинки общеизвестное интим-резиновое изделие. Меж тем, весь класс хохотал и топал ногами, потешаясь над моей выходкой. Я же сидел, потерянный, ошарашенный, озираясь и теряясь в догадках. В чем дело? Почему такая реакция на обычную просьбу одолжить стиральную резинку? А класс продолжал потешаться надо мной. От такого позора готов был сквозь землю провалиться. Выбежав на улицу, расплакался, шел домой, не разбирая дороги, твердя о том, что больше в этот класс ни ногой.

Разумеется, дома о случившемся в классе рассказал, родителям твердо заявил, что в русской школе больше учиться не буду. Отец, выслушав меня отчеканил: «Ничего с тобой не случится! Перетерпи, привыкнешь!». Два дня прогуливал школу, а на третий к нам домой пришла завуч школы. Я долго отнекивался, но она настояла на том, что бы я продолжил школу. Естественно, в классе нас рассадили с моей соседкой по парте. Конечно же было обидно, что ни одна девчонка в классе демонстративно не захотела сесть за парту в пару со мной. Скажу, что в классе меня так и не приняли за своего, сторонились, да и у меня появилась боязнь прямого общения с одноклассниками. Вот-так, начиная уже со второго класса в школе оставался робким одиночкой, застенчивым и отстраненным молчуном.

Разумеется, со временем многое забылось, сам я не навязывался в тесную дружбу с одноклассниками, привык и все последующие годы, вплоть до окончания школы, вел себя отстраненно, живя в собственном мире. Этот злополучный год врезался в мою память навсегда. Да

и потом, не счесть, сколько было унижений, оскорблений, недоразумений из-за моего незнания элементарных русских слов и выражений. Если до того слыл обычным, в меру открытым мальчуганом, то уже через год превратился в обидчивого, замкнутого, даже озлобленного мальчика. Дедушка З. Фрейд (1856—1939) посчитал бы мой пример, как отчетливое проявление того самого чужеродного, разрывающего единство сознание, аффекты бессознательного [Фрейд З. Психология бессознательного, 1990]. Уже потом, обучаясь в медицинском институте, штудировав психологические труды, понимал, что это было, по сути, защитной реакцией моей психики на травмирующее сознание аффекты.

Разумеется, были и другие причины, другие факторы. Жили мы тогда в районном центре, на одной из центральных ее улиц, на которой забор к забору расположились ведомственные усадьбы тогдашнего районного истеблишмента – секретаря райкома компартии, председателя райисполкома, председателя райкома народного контроля, прокурора района, начальника раймилиции, председателя райпотребсоюза, главврача райбольницы. Так-вот, на фоне семей с высоким достатком, наша многодетная семья среднего достатка, выглядела патриархальной и простонародной, мы содержали хозяйство – десяток овец, пара дойных коров, лошадь, два десятка кур. Моему отцу, испытывавшему все трудности сиротской жизни, активисту с неукоснительными коммунистическими идеалами, личности со строгими взглядами на проблему ответственности, трудолюбия, заслужившему на этом поприще достаточно высокий и непререкаемый авторитет, казалось, что дети с раннего возраста должны расти в заботах и трудах.

Признаться, я по молодости не всегда разделял его взгляды. Меня обижало то, что ему было невдомек, что я ужасно стыдился своей участи заниматься хозяйством, когда мои сверстники по двору вели вполне, как мне казалось, нормальную светскую жизнь – ничем не озабоченные, целыми днями предоставленные самим себе, своим увлечениям. Однако, перечить или ослушаться отца, пропагандировавшего, как и многие в его поколении, социалистические лозунги типа «Все люди равны в своих возможностях», «Чтобы добиться успеха, главное – желание». Помню, как с глубокой завистью смотрел я на своих обеспеченных сверстников, в глубине души мечтая когда-либо избавиться от своих, как мне казалось в то время, «позорных» трудовых забот и обязанностей, и как они вольно кататься на велосипедах, ходить в кино и на танцы, заниматься фотографированием, гонять футбол, иметь личные интересы и другие увлечения.

Естественно, сравнивая себя с ними, я чувствовал глубокую свою ущербность, а потому, наверное, все больше и больше замыкался в себя. Свободная бесшабашная веселая жизнь, катание на велосипедах, увлечения музыкой, танцами, фотографированием – это и было то самое «вознаграждение» для моих сверстников по улице, когда как для меня «вознаграждением» были лишь чтение книг. В этой ситуации, разумеется, степень удовольствия у меня в силу своего комплекса неполноценности был на порядок ниже, чем у них. Все это способствовало тому, что во мне прижился целый «депрессивный набор» – негативное мышление об окружающих, склонность винить в этом только не себя. Кроме того, я был подвержен навязчивым мыслям, расплывчатым и чрезмерно обобщенным чувствам личной ущербности, социальной несправедливости и пр.

Другим важным фактором моей слабой социальности было то, что в те годы практически, все мои сородичи, проживающие в далекой горной окраине района, работали чабанами, пасли совхозные отары. Их простой быт, трудовые заботы и, вообще, жизнь целиком были посвящены животноводству и ни о чем больше они и не помышляли. В этом отношении, прав М. Монтень (1533—1592), который писал: «Те, кто содержит животных, должны признать, что скорее они служат животным, чем животные им» [Монтень М. Опыты, 1580]. Наблюдая за своими сородичами, да и над самим собой в те моменты, мне думалось, что заботясь об овцах, мои сородичи сами стали таковыми. Представьте себе, что в те годы в нашем роду не было ни одного

человека даже со средним образованием, в селе не было школы и детворе приходилось идти в школу в соседнее узбекское село за пятнадцать километров отсюда.

Помнится, в годы юности я осознал и то, что и одевался намного проще, чем мои сверстники или одноклассники, не было у меня и какого-либо увлечения, вот почему, наверное, всегда чувствовал свою неуверенность, причем, как в кругу одноклассников, так и дворовой компании. Естественно, злился – злился на весь мир, на самого себя. «Не надо завидовать людям, отягощенным властью и богатством. И власть, и богатство – преходящи в этом мире, тогда как ум, честность, порядочность – вечное сокровище», – сказал отец, почувствовав во мне печаль и зависть, – «Каждый проживает свою жизнь и, если хочешь достойно прожить свою жизнь, то постарайся и все у тебя получится». С той поры, я больше завидовал успешным в жизни и работе, искренним и открытым людям, очевидно, не закомплексованным, которые вели себя так, как советовал Марк Твен – «Танцуй так, как будто на тебя никто не смотрит. Пой, как будто тебя никто не слышит. Люби так, как будто тебя никогда не предавал, и живи так как будто земля – этой рай».

Естественно, с тех пор я глубоко не возлюбил чувство элитарности вообще, вплоть до глубокого отталкивания и жажду полного разрыва с ними, то есть с «буржуазией, при малейшем проявлении у них чванства, горделивости своим положением, чувства вседозволенности и презрения к низшим. Именно с той поры я возненавидел всех тех, кто смотрел на меня сверху вниз и разговаривал со мною сквозь зубы или через нижнюю губу. Не скрою, при виде богатых и надменных, как говорится, невольно руки мои тянулись к «булыжнику пролетариата», я не любил ловкачей и проходимцев с «джокером в рукаве», которые в любой момент жизни могли, как говорится, вынуть «карту с бубновым королем». Хотя, я им где-то в глубине души завидовал. Вот-так, у меня внутри закреплялось чувство неуверенности, слагалось нечто такое, постепенно отодвинувшее меня от таких людей на некоторую дистанцию. Так или иначе, ни в школе, ни в компании соседских детей, у меня так и не выработалось серьезные товарищеские чувства, и это имело последствие для всей моей жизни.

Если говорить о некоторых наследственных свойствах характера нашей патриархальной семьи, то нужно сказать, что отец был излишне строгим, а мать, наоборот, мягкой и доброй. В такой ситуации, как доказывают психологи, дети в большинстве случаев, вырастают неуверенными, застенчивыми, закрытыми. Так оно и было, все девять детей в семье страдали этими недостатками. Так, что в жизни мы сполна почувствовали негатив застенчивости, стеснительности, склонности к индивидуализму, выражая слишком большую чувствительность, честность, проявляя неприспособленность к реальной жизни, ощущая какой-то надлом своей личности. При этом оставаясь честными, трудолюбивыми, порядочными. Помнится, мама всегда наставляла – «Будьте честными, как ваш отец! Он рос сиротой и испытал все лишения в жизни. Практически у него не было детства. Несмотря, на четырехклассное образование, лишь благодаря своей активности, трудоспособности поднимал колхозы, новые совхозы, возглавлял сельские советы».

Когда я учился в третьем-четвертом классе, я ужасно стыдился того, что отец, вернувшись с работы уже вечером уходил на учебу в вечернюю школу. Об этом знали все – соседи, родственники, мои сверстники. А ведь тогда он возглавлял комитет партийного контроля в Ляйлякском райкомпартии. Вот-так, понимая, что образование всему голова он в пятьдесят лет закончил вечернюю среднюю школу и поступил на заочное отделение Джалал-абадского кооперативного техникума, после окончания которого по поручению райкома партии вплоть до выхода на пенсию возглавлял районное сельэлектро. «Все годы Великой отечественной войны ваш отец работал военкомом в районе, занимая майорскую должность, а после окончания войны – на партийных должностях в районе. Вот вам живой пример достойной жизни, честной и добросовестной работы», – рассказывала мама.

Нам выпало совсем другое время – время мира и доступного образования. В пятьдесят лет я уже был дважды доктором наук, профессором. Я мысленно представлял, чего достиг бы мой отец в таких условиях работы и образования. Наша мама всегда была рядом с отцом, кочуя за ним из одного колхоза в другую, живя в трудах и лишениях. Это сейчас мы понимаем, каково было им в те года трудного становления советского государства. Мама была само доброта и народной мудрости. Мы не припомним ни одного злословия, ни одного обидного для нас слова с ее стороны. Роднее и добрее, чем мать в мире нет. Для своих детей она и есть рай. Таким для нас была наша мудрая и добрая мать, которая прожила простую, трудную, но светлую жизнь. Хотелось бы сказать, что мы в вечном долгу перед родителями. Да, была и будет у нас вечно работа, проблемы, были и будут дежурные фразы, пустые слова, обещания. Однако, нам бы сразу и раньше понять, что мама не вечна. Единственное утешение в том, что мои родители продолжают жить на страницах моих книг «Тегерек: Мифы. Тайны. Тени (2021), «Сущность теней» (2022) под одноименными прототипами – Ашим-бава, Айслуу-эне.

Есть такое выражение: «Среди множества мнений обо мне самым верным является мнение того человека, который больше всех меня любит». Речь конечно же идет о чувствах родителей, в первую очередь. Ну, а если тебе в это время покажется, что этого-то любящего, понимающего и принимающего человека в твоей жизни нет и никогда не будет... То есть, больше нет тех, кто ободрит и соберет тебя тогда, когда жизнь вынесет тебя на обочину? – было, было такое в жизни, когда родители уходили в небытие. Нам – их детям было далеко не просто снова выстроить вертикаль внутри себя, найти самого себя, своего «Я». Я бы хотел, чтобы и они восприняли торжество философизма моего отца – «Верь лишь себе!».

Уже обучаясь в мединституте понял, что сильные неосуществленные желания, которые не осознавались, способны порождать именно комплексы. Причем, такой процесс может складываться даже во взрослой жизни. Помню свой трепет и страх перед отцом, перед необходимостью проявить самостоятельность, настоять на своем. Во мне закрепилось молчаливо-соглашательская линия поведения не только в семье, а и вообще. Я боялся конфликтов, мне невдомек было вставать поперек чужой воли, выдерживать чей-то взгляд, враждебный или просто неодобрительный, чей-то напор. Мне невдомек было поступать по-своему, естественно, при этом остерегаясь того, чтобы невзначай кого-то задеть, разочаровывать, обидеть. Как себя помню, мне всегда было неловко, неудобно, акцентировать внимание, возражать чему-то или кому-то, требовать что-либо, у кого-либо, терпя неудобства и лишения, только бы не противостоять. С возрастом я приспособился самым необычным образом, представ уже настоящим конформистом. Хотя, мое «в принципе я согласен» – означало, что я отнюдь не намерен этого сделать или допустить.

Вот-так складывался мой конформизм вынужденного типа. Одно меня утешало, что, если речь идет о непринципиальном, не столь значимом, я проявлял снисходительность и занимал соглашательскую позицию, однако, когда речь заходило о принципиальном, важном, причем, не только для меня лично, то я все-таки преодолевал «тормоз» внутри себя, становясь более смелым, активным, настырным, но совсем-совсем не на долго. Такую линию поведения и поступка преподавал мне отец, для которого было важным в жизни быть снисходительным в малом, но сохранить во чтобы-то ни стало свою честь и достоинство в большом.

Ж.-П. Сартр (1905—1980) категоричен в оценке комплекса неполноценности, утверждая, что любое чувство неполноценности, против которого человек борется, является с самого начала его выбором. «Человек признает себя неполноценным, выбрав из массы возможностей именно эту и тем самым он определяет свое будущее, поскольку он как бы ставит себе цель – быть таким. Точнее, не просто быть, а становиться таким», – пишет автор [Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто, 1943]. Получается, что комплекс неполноценности человека является ничем иным, как проектируемым планом будущего, изначально предполагающий жизненные неудачи. Между тем, это и есть предвосхищение своего места в мире.

Разумеется, когда осознал эту истину, лично я был глубоко расстроен вот таким вот своим выбором. Разумеется, комплекс неполноценности воспринимается как негативный тренд. Считая себя слабым, нерешительным, обделенным, тем самым я оказывается выбрал не только характер отношения ко мне окружающих, но и свое отношение к самому себе. Отец часто упрекал меня в прямолинейности, что у меня нет логики, как он говорил, «скашивать» углы, чтобы быстрее и короче добираться до своих целей в жизни. «Ты пойми! По прямой летают только вороны!» – увещевал мне отец. Психологи утверждают, что человек, обрезаящий себе будущее, не видящий перспектив и не ставящий себе целей для дальнейшего развития, замыкается в узком мирке настоящего, ограничивает себя в своих желаниях и стремлениях.

Продолжая свои рассуждения о причинах формирования моего комплекса неполноценности, хотелось бы отметить и следующее. Жизнь в нашей семье была несколько напряженной в виду излишней строгости отца. Почти всегда сдержанный, более того суровый, он, почему-то вселял нам тревожность и беспокойство. Попадая в дома своих сверстников, я больше всего поражался благой атмосфере, покою, спокойствию, доброжелательности. Уехав из дома на учебу в столицу, я увез такое настроение с собой, на много лет, да и сейчас часто возвращаюсь к тому, детскому своему ощущению настороженности, тревожности, боязни. Хотя с детства твердил самому себе, что надо быть более спокойным, самостоятельным, независимым, а потому не раз пытался соблюдать, некогда услышанный мною же девиз: «Никого не бойся, ничему не верь! Ничего не бойся, никому не верь!». Не раз пытался, наперекор обстоятельствам, мнению окружающих, жить, как считал правильным, заниматься тем, что считал нужным. Однако... Однако, жизнь оказалась куда сложной и непредсказуемой, как мне думалось, ибо, многое, что думалось и мечталось, в жизни не удалось, не случилось.

Мое активное стремление быть самостоятельным, начиная с шестнадцати лет, когда я поступил в мединститут, на мой взгляд, несколько отдалило меня от родителей, родных и близких, а также сородичей. Уже потом пришло ко мне понимание того, что вообще глупо гордиться своей самостоятельностью, возведя ее в Абсолют. Мне очень запомнилась трагедия американского паренька, который, сам себя называл «Александром-супербродягой». Так-вот, этот молодой человек, мечтая о самостоятельной жизни, выбросил диплом об университетском образовании, перечислил все свои сбережения в детский дом, и сбежал из дома, общества. Предоставленный самому себе автостопом путешествовал по всей Америке, мечтая дойти до Аляски, где он хотел бы прожить отшельником свою оставшуюся жизнь. Никакие лишения, трудности не остановили его в своих исканиях самостоятельности, разве только трагическая его смерть в одиночестве.

Примерно такую судьбу в детском и юношеском возрасте и я носил в своих мечтаниях и грезах, зачитываясь приключениями Робинзона Крузе, Монте Кристо. Помню, мой подростковый возраст был не из гладких, несмотря на работу над собой, я продолжал оставался рассеянным, отстраненным, а в быту и жизни непрактичным, неумелым. Попади я в необитаемый остров или в ситуацию инкогнито, я, разумеется, не выдержал бы испытания жизни и ее обстоятельств. Меня утешает то, что я в жизни научился господствовать над своими страстями, владеть собой в минуты лишений, обид и дасады, не подавать виду, уходить в себя. Среди заблуждений Н. Мальбранш (1638—1715) различает следующие заблуждения: чувств, воображения, чистого мышления, понимания, наклонностей, старстей. Я всегда ненавидел тех, кто не умеет умерить именно заблуждения наклонностей и страстей, демонстрируя свою природную испорченность.

Я печально осознавал, что у меня даже к позднему подростковому возрасту так и не сложилась самостоятельность, продолжая оставаться по-детски наивным и внушаемым тихоней, ведя себя отстраненно и стараясь держать дистанцию даже от своих одноклассников, дворовых ребят-ровесников. Вот-так, застенчивость, неуверенность в себя, нерешительность постепенно способствовали формированию у меня комплекса неполноценности. Возникали сменяющие

друг друга увлечения – футбол, фотографирование, велосипед, но все это как-то без интереса, мимолетно, несерьезно.

Как известно, именно в подростковом возрасте резко повышается интерес к своей внешности, формируется новый образ физического «Я». Из-за его гипертрофированной значимости подросток остро переживает все изъяны своей внешности. В школьные годы внешне я был маленького роста, худой, угловатый. Помнится, в классе седьмом-восьмом решил заняться гантелями, нарастил, как мне показалось, себя мускулы, часами висел на турнике, но ростом я по прежнему оставался самым низкорослым в классе. Меня это здорово удручало и комплексовало. Ощущение безнадежности – один из самых серьезных симптомов комплекса неполноценности с исходом в депрессию. Как известно, депрессия сопровождается скрытой стратегией, позволяющей избежать разочарования. В жизни нередко бывает, что мы даже боимся питать надежду. Имея надежду, можно восторгаться будущим, строить какие-то планы наперед, пробовать что-то новое, экспериментировать, рисковать. А если цель не достигнута и время потрачено зря? Но хуже потраченного времени – разочарование и отчаяние.

А что это в эволюционном отношении? В безнадежности, когда человек как бы замирает в жизни, не находя выхода, наступает какое-то облечение, покой и, время от времени – утешение. Я часто говорю об утешении, когда я чувствую, что не только одинок, когда я остаюсь один на один со своими чувствами, потому, что никто, кроме самого себя, не поймет, насколько все безнадежно в действительности.

Общеизвестно, что в юношеском возрасте происходит открытие «Я», собственного мира мыслей, чувств и переживаний. Юношеская любовь. Помню, помню, как у закомплексованного школьника екнуло в сердце, когда узнал, что одна девчонка позволила ему любить ее издали. Воспоминание об этом чистом и мимолетном чувстве до сих пор вызывает у него нежность и улыбку. Джессика Кански (2001) пишет: «Считается, что первые романтические отношения закладывают основу наших ожиданий в будущих отношениях. И если наш первый опыт будет качественным, то мы с большей вероятностью будем удовлетворены нашей дальнейшей личной жизнью». Наш кыргызский поэт Шайлообек Дуйшеев на своем творческом вечере признавался, что в школе, несмотря на свою невзрачность, угловатость и застенчивость, был влюбчивым. Он пишет: «Кого я полюбил – в этом моя грусть и печаль, а кто меня не полюбил – это их удача и счастье». Так и у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.